

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО



25 Listopadu 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

93

25-го ноября 1931 г.

25-го листоп. 1931 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий



1. Петр Крюков: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
 2. Константин Поляков: Кто любит Отчизну. (Kdo ma rad vlast).
 3. В. Новак: ** (Verše).
 4. Сергій Савицький: ** (Verše).
 5. Петр Закрепа: ** (Verše).
 6. И. М. Назаров: ** (Verše).
 7. Олександр Півень: Кубанський гімн. (Kubánská Hymna).
-
8. Ноябрьская годовщина. (Listopadové výročí).
 9. А. Ленивов: Атаман Ермак Тимофеевич. (Ataman Jermak Timofejevič).
 10. Вл. Куртин: Пластуны. (Kozáci).
 11. Султан Шахим Гирей. (Sultan Šachim Girej).
 12. М. Битинський: 359.
 13. С. Балыков: „Быкадоровщина“ наизнанку. („Bykadorovščina“ opáčně).
 14. И. Скобелин: Дезертир. (Zběh).
 15. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 16. Международные очерки. (Mezinárodní zprávy).
 17. Павел Поляков: Казачьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
 18. Сенсация в „Р. К.“. (Sensace v „R. K.“).
 19. Об организации В. К. на местах. (Místní organisace volných kozáků).
 20. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 21. В Казакии. (V Kozákii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Лион. — А. Л. — Получено. Привет.
 Самсун. — П. К. — Получено. Спасибо. Привет.
 Августов. — Е. К. — Получено. Привет.
 Бразилия. — С. С. — Все гаразд. Вітаємо.
 Франция. — В. С. — Получено. Привет.
 Галац. — А. Б. — Получено. Привет.
 Виши. — Д. Ч. — Получено. Привет.
 Белград. — П. П. — Получено. Привет.
 Южин. — В. Б. — Получено. Ответ — письмом.
 Привет.
 Югославия. — П. Н. — Получено. Привет.
 Белград. — Б. К. — Ответ будет письмом. Привет.
 Лион. — Х. — Ответ — письмом. Привет.
 Болгария. — П. П. — К сожалению, обстоятельства вынудили нас увеличить подписную плату. Да и журнал ведь увеличился с 24 до 28 страниц. Некоторое неравенство в стоимости подписки для разных стран объясняется неодинаковой стоимо-

стью пересылки. Мы знаем, что платить казакам сейчас тяжело, но — что делать? — Самое верное дело то, которое делается нами самими. Привет.
 Франция. — К. С. — Гонорар платиться впредь не будет совсем. Кто чувствует себя в. к., тот будет сотрудничать и без гонорара. Все наши сотрудники уже давно с этим согласились. Привет.
 Белград. — В. К. — Хорошо.
 Болгария. — П. К. — Ответ — письмом. Привет.
 Берлин. — Г. К. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Тулуза. — Х. — Получено. Журнал посылается. Привет.
 Франция. — П. К. — Получено. Привет.
 Бельгия. — П. О. — Получено. Ответ — письмом. Привет.

Гонорар не платится. Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
 А. А. Гейман. Зајечар.
 Г. В. Алферов — Мраморак.
 А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12.
 Bukarest V.
 В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Georg Kozlowsky. Berlin-Friedenau,
 Fehler str., 6.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
 Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.
 С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Papanduva, via Canoinhas,
 S-ta Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. Париж.
 М-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre,
 Monplaisir-Plaine. Lyon.
 Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine
 Apollinaire, Lyon-Vaise.
 Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour,
 Malakoff (Seine).
 И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du
 Marechal Joffre, Cenon (Gironde).
 С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo,
 Refuge Russe, Marseille.
 И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par
 la Tour Blanche.
 С. К. Поляков. M-eur S. Poliakov, Rombas.

В БОЛГАРИИ:

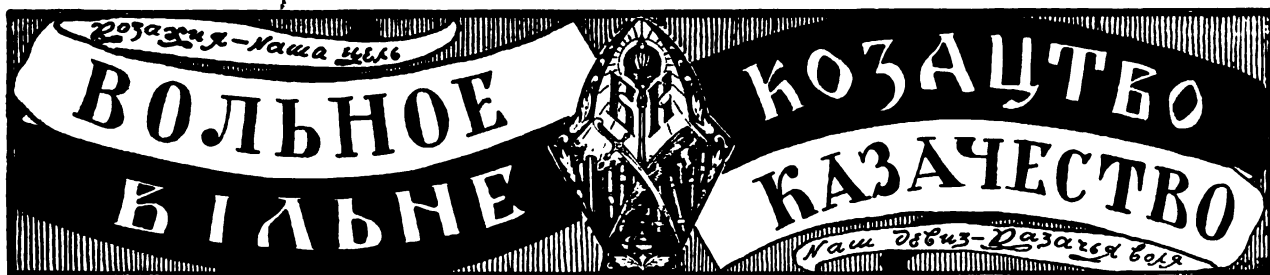
П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
 Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семеон, 28.
 Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.
 Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid
 Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d,
 Cleveland, Ohio (U. S. A.).



— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 93

Среда, 25 ноября, 1931 — Среда, 25 листопаду, 1931.

№ 93

Петр Крюков. (Франция).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Мы — вольные люди. Мы рабства не знаем.
Мы мира хотим и для Мира всего.
Всему Человечеству Воли желаем.
Для нас же: *Казакія — прежде всего!*
Нам Воля нужна; без нее мы — не люди.
Для Воли своей на земле мы живем.
Под пули и шашки подставим мы груди:
За Волю Казачью мы смело умрем!..

На нашей Земле мы — хозяева — Кругом.
Нам всем Атаман наш — и брат и слуга.
Нам дброго равенство друг перед другом:
Ведь шея казачья — кремень, не куга!
За Волю, за равенство, братство и славу,
За честь вековую казачью свою
В час грозный сомкнемся мы в мощную лаву:
Умрем за Казакію гордо в бою!..

Константин Поляков. (Прага).

КТО ЛЮБИТ ОТЧИЗНУ...

Кто любит отчизну свою,
Тот ночью ли темной, иль днем
Мыслить лишь будет о том,
Чтобы в кровавом бою
Отстоять свой отеческий дом...

Встретиться в поле с лихим басурманом,
Что сделал народ угнетенным и нищим,
И лучших извел казаков-атаманов,
И край обратил наш цветущий в кладбище...
Там, где родимый порог наш и дом,
Алые флаги московские выются;
Там под российским каленым штыком
Братья в мучениях бьются.
Степь пропиталась детей своих кровью;
Степь, ты сжилась ли с жестокою новью?.. —
Ждет она молча и веру таит:
На западе сердце казачье горит

И разум свободу степную кует;
Баян свои гимны отчизне поет...
Здесь молодые и сильные духом;
В сердце их вера в Гебя не потухла;
Оковы с Тебя они с силой сорвут...
Слышишь, Отчизна, они уж идут.
Крепок их шаг и могуч их девиз;
Знает их воля одно лишь — вперед!
Пламенный взор не склоняется вниз:
Там, за морями, их страдает народ...
Куда бы не бросил их тягостный рок,
Трудясь и не зная покоя,
Они не забыли родной свой порог —
Готовы к последнему бою.
Родина, слышишь! в могучей груди
Сердце казачье бьется.
Сильные встали. Они уж в пути.
Вольно-казачий стяг вьется.

В. Новак. (Лион).

* * *

Душно без счастья и воли,
Ночь беспросветно темна,
Буря-бы грянула, что-ли, —
Чаша с краями полна...
Разразись над пучиной морской,
В поле, в степи засвищи,
Полную чашу казачьего горя
Всю загреби, расплещи...

Сергій Савицький. (Бразилія).

* * *

Степи, степи — куди не глянь.
Степи квітчасті, запашні.
На сонці гріється лубань.
А там — і ліс, і гор шпилі.
То рідний наш козачий край,
То Богом дана нам земля...
В ярмі, козаче, не ридай,
А кинься, як лев, на москаля!

Петр Закрепа. (Швейцария).

Тамаре Р...

* * *

Нет, песен мне моих не замолчать —
 Я в них вложу невиданную силу,
 И в песнях мне ль, суровому, рыдать
 Иль ждать безвременно могилу?
 ... Печаль пути ушедшего избыл,
 Чужим богам я не упал к подножью,
 И чувства жар в душе своей хранил,
 И — сзади боль забытых бездорожий...

Я сердцу дал, хотевшему любить,
 Простор полей моей отчизны дальней...
 Врагу теперь смертельному простить,
 Приять свой крест в судьбе многострадальной!
 Теперь сильнее дерзать смогу и сметь
 Желать сильнее бессильных испытаний...
 О, как в мой день я стану песни петь
 В огне ином достигнутых желаний!

И. М. Назаров. (Княжевац).

* * *

Ночь темна, — брови туч нависают над ней, —
 И в душе моей сдвинулись тучи.
 Ночь темна, но я мыслью летучей
 Понесусь к тебе ветра быстрей.
 Прилетаю, стою я в тени под окном,
 Ты не слышишь, но с ветром пою я,
 Как тоской по тебе мое сердце полно
 И тебя как безумно люблю я.
 Ты не видишь меня, но слезу я, как вор,
 Жадным взором за каждым движеньем.
 Ты бледна, ты полна выраженьем
 Смутной грусти, тревожен твой взор.
 Ты сама не своя, что с тобою? — но вмиг
 Нежный трепет ресниц тебя выдал.
 Да, кого то ты ждешь?! Я рванулся и стих.
 Кто же он, этот новый твой идол?!

Сердце ноет мое, мои руки дрожат,
 Верный нож я надежно сжимаю
 И глотаю я слез закипающих яд:
 Крик безумства душу, ожидаю...
 Вот и стук. Ты украдкой к окну подошла,
 Тихо дверь приоткрыла в тревоге.
 Он вошел, но и полный безумного зла
 Вырос я пред тобой на пороге.
 Не огонь, а пожар был в груди... И потом
 В клетке сердца запрыгали звери...
 Я кого то сразмаха ударил ножом
 И кого то я выбросил в двери...
 Мы остались вдвоем... На холодном полу
 До утра, ты, рыдая, лежала;
 Я смеялся и плакал, а Кто-то в углу
 Не сводил с меня глаз... И сквозь серую мглу,
 Потухая, лампада мерцала.

Олександр Півень. (Югославія).

КУБАНСЬКИЙ ГІМН.

(Проект).

Гей, кубанці, всі до зброї —
 Матір рятувати,
 Кубань визволяти!
 Ну, збирайтесь, піднімайтесь,
 Доки нам ще ждати!
 До зброї, хлопці, до зброї!
 Швидче вставайте,
 Та коні сідлайте:
 На ворога в похід виступайте!
 Нуте, встанем за свободу,
 За вільне козацтво,
 Старі і юнацтво!
 Козак в ярмі не був зроду, —
 Геть од нас кріпацтво!
 На коні, хлопці, на коні!
 Станем за Край в обороні:
 Розвернем широку лаву,
 Та й зробим ворогам козацьку розправу.
 Всякий, хто Кубань кохає, —
 Бо то ж наша Мати, —
 Мусить з нами стати!
 Козаки усі вояки, —
 Стидно нам дрімати!
 До зброї, хлопці, до зброї!
 Швидче вставайте,
 Та коні сідлайте:
 На ворога в похід виступайте!

Козаки меткі і жваві,
 Кріпкого заводу:
 Хоч в огонь і в воду!
 Коли станем усі разом, —
 Добудем свободу!
 На коні, хлопці, на коні!
 Станем за Край в обороні:
 Розвернем широку лаву.
 Та й зробим ворогам козацьку розправу!
 Ми добудем щастя й славу
 Матері-Кубані,
 Щоб жила, як пані.
 Та й самі ми будем ситі
 І добре убрані.
 До зброї, хлопці, до зброї!
 Швидче вставайте
 Та коні сідлайте:
 На ворога в похід виступайте!
 Нам pomoже Святий Юрій
 Ворогів скарати,
 Ще й слави придбати!
 Нуте-ж, станем усі разом
 Наш Край рятувати!
 На коні, хлопці, на коні!
 Станем за Край в обороні:
 Розвернем широку лаву,
 Та й зробим ворогам козацьку розправу!

Ноябрьская годовщина.

Ноябрьские дни на Кубани — одно из самых печальных и не менее предостерегающих событий новейшей истории Казачества. Мы говорим истории Казачества, а не истории Кубанского казачества, т. к. по существу в ноябре 1919 г. решался не частный спор Кубани с Добрармией, а „Русь белая“, как представительница великодержавной России прошлого, в интересах, как она их понимала, России будущей решила раз и навсегда покончить с казачьим сепаратизмом и раз и навсегда Казачий Вопрос из вопроса двусторонне-внешнего сделать снова вопросом односторонней внутренней русской политики местного значения (русская программа максимум в казачьем вопросе).

Эта „белая“ русская политика по отношению к Казачеству, весьма внушительно поддержанная грубой физической силой самой Добрармии и не менее рьяно некоторыми „доброхотами“ бывших царских бояр из среды самих же казаков, на несколько дней (буквально!) восторжествовала. Но, тем стремительнее было затем падение и самого „русского белого дела“.

Мы очень хорошо знаем, что и как делает с Казачеством „Русь красная“. По „ноябрьским дням“ на Кубани можно со стопроцентной уверенностью говорить о том, что сделала бы с Казачеством „Русь белая“ в случае, если бы ее дело увенчалось успехом. Вот почему казаки не должны забывать того, что произошло в ноябре 1919 года в Екатеринодаре, вернее — того, чем и как закончился полуторагодовалый „спор“ Кубани с „Вооруженными силами Юга России.“ Особенно нужно хорошо продумать это тем казакам, которые, к несчастью Казачества, еще и до сих пор плетутся в хвосте провалившейся „белой мечты“ и создают окружение неудачным русским генералам, которые к друзьям Казачества во всяком случае не принадлежат.

20 (7-го по ст. ст.) ноября 1919 года в Екатеринодаре повешен был А. И. Кулабухов не как А. И. Кулабухов, а как представитель тогдашнего самостийного казачьего движения (точно также, как по тому же признаку пятью месяцами раньше в Ростове убит был и Н. С. Рябовол). „Руси белой“ казаки нужны были как хорошее пушечное мясо, как материал, на котором она, как на солидном фундаменте (а фундамент лежит всегда в земле!), хотела построить свое здание Единой и Неделимой. И до тех пор, пока у нее была эта надежда, она казаков, как казаков, еще терпела. Но, коль скоро обнаружилось, что казаки не имеют желаний класть свои головы для осуществления дела русских генералов и возвращения земли русским помещикам; коль скоро обнаружилось, что казаки имеют свои собственные цели и стремления, что свое будущее они понимают по своему, что они хотят сами строить свою жизнь и сами распоряжаться своей

головой, своим достоинством и своей исторической судьбой, — маски были сняты и, по уставившейся уже исторической традиции, Деникин и Врангель прибегли к способам и средствам Петра и Екатерины. А. И. Кулабухов повешен. Но, — пусть поспорят сейчас с популярностью этого имени в казачьей душе те чужие, кто его вешал, или те свои, кто им помогал!

Для нас и тогда, а теперь для всего Казачества совершенно ясно, что пресловутый „Договор дружбы“ был только предлогом, был той ширмой, которой Деникин — Врангель прикрывали свои истинные намерения и „оправдывали“ поведение своих помощников в этом злодеянии из казаков.

Какие планы и намерения в адрес Казачества имела „Русь белая“ и что она по отношению к нему позволила, когда чувствовала, что позволить может, мы теперь знаем все. Для тех, кто истинное соотношение тогдашних сил и подлинные намерения обеих сторон знал и тогда, для тех в том, что произошло в ноябре 1919 года, ничего неожиданного не было. Природа русского белого единоделимства (как и красного!) и природа казачья слишком различны. Но, есть и но, огромное но. Что касается Деникина-Врангеля — там все ясно. То — наши противники. Другого от них нельзя было и ожидать. И в том, что они в адрес Казачества совершили — они виноваты (в нашем, конечно, понимании, ибо в своем сознании они не виновны, а виновны, наоборот, мы — наши точки зрения совершенно противоположны!). Но, мы хотим подойти к этому вопросу и с другой стороны.

Если господа Деникины-Врангели виновны в том, что они на нас напали, то мы виновны в том, что не оказали должного отпора и сопротивления и борьбу проиграли. А мы ее могли и не проиграть. Почему же все таки случилось то, что случилось? — Потому, во первых, что они побили нас нашими же казачьими руками и, во вторых, мы, казаки, не решились тогда на насилие ответить насилием, — нельзя было бороться со штыками и пулеметами одними только резолюциями и голосованиями. Поэтому, не только ради освещения прошлого, но еще больше ради интересов будущего надо ставить вопрос о поведении тех, кто из казаков помогал вместе с возглавлением Добрармии надевать петлю на Казачество (Кулабухов сейчас уже символ распятого Казачества!), и надо в будущем уметь нам не только решать, но и уметь защищать свои решения и свои стремления. Надо всегда иметь за плечами хорошую организованную силу (физическую и моральную), чтобы суметь в каждый момент дать надлежащий отпор каждому нападающему.

Какое то проклятие тяготит над Казачеством. Всегда почти в трудные для него исторические моменты, противники его находили

когонибудь в его же среде, кто исполнял роль Иуды (Иуду такого потом так или иначе „ликвидировали“ сами же, кому он оказывал свою услугу). Это общее положение оправдалось и в ноябрьские дни. И в ноябрьские дни случилось то, что случилось, только потому, что на Кубани не было в то время настоящего Атамана. Был весьма ревностный служитель идеи Добрармии на посту Атамана, преданный и послушный ее вождям. А когда после ноябрьских дней он больше и им не был нужен, они предложили ему уйти и он их послушался. Сами же Деникин („Очерки Русской смуты“) и Врангель („Белое дело“) рассказывают нам об этом. В V томе своих очерков (стр. 214) ген. Деникин приводит, напр., следующее письмо к нему ген. А. П. Филимонова:

„В событиях последних дней (ноябрьских. Ред.) на Кубани для меня лично оказалось самым тяжелым — это переданное мне через третьих лиц Ваше мнение о неприемлемости моего пребывания на посту Кубанского атамана... Являясь убежденным и последовательным сторонником идеи воссоздания России, я ни одной минуты не мыслил работать без Вашего сочувствия и доброжелательства; поэтому, как только я узнал, что этих условий в настоящее время нет, я немедленно, несмотря на единодушное доверие Рады, сложил с себя полномочия“...

Мы думаем, что в этом весьма характерном для ген. Филимонова отрывке все так ясно, что читатели разберутся и вынесут свой приговор без каких бы то ни было комментариев с нашей стороны. В самом деле: в то время, как над Кубанью совершалось гнуснейшее насилие, ее выборный глава больше всего боится тем, что думал о нем ген. Деникин — автор самого насилия. Принимая избрание на пост Атамана от Рады, ген. Филимонов свое пребывание на этом посту ставил в зависимость исключительно от воли ген. Деникина. Это хорошая наука кубанским казакам в вопросе о том, какого не нужно выбирать себе Атамана. Прибавьте к этому еще и то, что это он, ген. Филимонов, тогда еще В. Атаман, заманул к себе во дворец А. И. Кулабухова, где его и „взял живьем“ г. Покровский прямо на виселицу.

К сожалению, говоря о „доброхотах“ из казаков и роли их в ноябрьских событиях на Кубани, должны остановиться и на поведении нынешнего Атамана. Из записок тех же генералов (Деникина и Врангеля) узнаем, что автором „переворота“ был сам ген. Деникин, фактическим исполнителем „кубанского действия“ — г. Покровский, а руководителем всей „операции“ был ген. Врангель, — советником же у него во всем этом деле, как это ни печально, был ген. В. Г. Науменко. Рассказывает об этом опять таки сам ген. Врангель („Белое дело“, т. V, стр. 214—243, ст. „Крамола на Кубани“). Приведем ниже, в доказательство этого утверждения, соответствующие выдержки из его книги:

„С генералом Филимоновым разговаривать было бесполезно (перед тем он, ген. Врангель, так охарактеризовал ген. Филимонова: „К сожалению, недостаточно твердый, нерешительный, он потерял почву под ногами и выпустил власть из своих рук“) и я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность походного атамана и начальника военного управления, ген. Науменко. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у атамана, я с генералами Покровским и Науменко беседовал весь вечер. Я изложил намеренный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят“. (Стр. 219).

...„В этот же день прибыл ко мне ген. Науменко (в Кисловодск, 31 октября. Ред.). Мы подробно обсудили дело. Ген. Покровский должен был произвести аресты Кулабухова и ряда других лиц и немедленно предать их военнополовому суду, каковой должен был быть сформирован при имеющейся у него бригаде полковника Буряка. Дабы не ставить атамана в тяжелое положение и тем еще более не осложнить вопрос, я просил ген. Науменко переговорить от моего имени с ген. Филимоновым и постараться убедить его сложить с себя атаманское звание“. (Стр. 231).

„Я тут же написал соответствующее предписание ген. Покровскому, которое и передал ген. Науменко для вручения его ген. Покровскому лишь после того, как атаман примет решение“.

Предписание это кончалось так:

... „Арестованных лиц немедленно предайте военнополовому суду, каковой сформируйте при бригаде полковника Буряка и приговор суда приведите в исполнение безотлагательно“... (Стр. 231).

Так было. Братья, казаки! что надо делать, чтобы в будущем так не было? Разве генералы Деникин-Врангель рискнули бы на свою ноябрьскую „операцию“, если бы им не помогали в этом сами же казаки? Мы уверены, что нет.

Мы готовимся сейчас к освобождению своих Земель от „Руси красной“. Надо, чтобы это грядущее освобождение было действительным. Надо сейчас уже готовиться и к тому, чтобы не пришли потом к нам новые Деникины-Врангели и вместе со своими сторонниками из казаков же не повторили ноябрьских дней.

Самым идеальным и счастливым для судьбы Казачества было бы, если бы все казачество объединилось на своей, исключительно казачьей программе и если бы никакие русские единомышленники не нашли себе в будущем среди казаков единомышленников и пособников при своих посягательствах на права и интересы будущего Казачьего Государства. Этого бы мы хотели. Но, желая идеального, надо быть всегда готовым к действительному.

Вспоминая сейчас все то, что было две-

надцать лет назад, хочется, чтобы этот урок не прошел для Казачества даром; хочется, чтобы не проливалась так бесславно и так бесполезно казачья кровь. Это — роскошь, которая стоит весьма дорого. Казачья кровь льется сей-

час рекой от руки красного Московского палача. Более чем вероятно, что потребует ее и грядущее освобождение. Но пусть та кровь будет последней. И пусть никогда уже казачья кровь не прольется от руки казачьей!

А. Ленивов.

Атаман Ермак Тимофеевич.

К 350-летней годовщине завоевания Сибири (1581-1931 г.).

(Историческая справка).

(Окончание).

Много толков и рассуждений со стороны историков вызывает спорный вопрос: был ли Ермак послан в Сибирь русскими колонизаторами Строгановыми, поселившимися в Пермском Крае или они воспользовались его инициативой?..

Какие же обоснования и именно исторического характера (летописи) имеются у русских историков, чтобы они могли утверждать о том, что завоевание Сибири — не есть инициатива Ермака, но является частным почином московских купцов Строгановых, которые и послали завоевывать именно Ермака, перед этим „разбойничавшего“ на р. Волге, бежавшего оттуда и нашедшего приют у Строгановых. Все суждения русских историков в этом отношении построены исключительно на основании изучения Строгановской летописи..

Известный историк проф. Н. И. Костомаров утверждает, что Ермак „в качестве казацкого Атамана входил в царской службе и в конце июня 1581 года вместе с русскими силами был под Могилевым на Днепре“. Что это: историческая погрешность или же преднамеренное искажение исторической действительности.. Как же тогда в этом случае согласовать и то, что в Тобольске стоит памятник, на одной стороне коего выбито — „Покорителю Сибири Ермаку“, а на другой дата покорения „1581 год“. Исторически известно, что 26-го октября 1581 г. Ермак, после боя с татарами Царевича Махметкула на р. Иртыше, занял столицу Сибирского Царства — г. Искр (Сибирь).

Где г. Могилев на Днепре („пребывание Ермака“ в июне 1581 г.) и где г. Тобольск на р. Иртыше (взятие Ермаком г. Искра в октябре 1581 г.).. Неужели в течение четырех месяцев Ермак со своей дружиной прошел расстояние от г. Могилева до г. Искра (Тобольска) и это в те-то времена?.. Допуская возможность, что это вполне вероятная вещь, т. е. Ермак преодолел в столь малое время (4 месяца) и дальность расстояния, и трудность пути, и действительно сумел в июле 1581 г. сражаться под г. Могилевым, а в октябре 1581 г. выбивать татар из г. Искра (Тобольска), считаясь вполне с этой возможностью, тем не менее встает вопрос: как-же проф. Костомаров ничего не говорит о первом походе Ермака в Сибирь? Неужели почтенный историк не знал о том, что Ермак весной 1578 года шел вверх по р. Каме, проходил по р. Серебрянке, зимовал (1578—1579 г. г.) на р. Сылве, основывал г. Кокуй, закладывая т. н. Ермаково Городище, строил часовенку во имя св. Николая (первый монастырь в Сибири) и лишь только весной 1579 года вернулся обратно к Строгановым?.. Предполагая, что оное событие могло ускользнуть от внимания проф. Н. И. Костомарова нельзя обойти молчанием другой достопримечательный факт, именно: второй поход Ермака в Сибирь начался 12 июня 1579 года, а завершился взятием г. Искра в день 26 октября 1581 года.

Полк. В. В. Короченцев (недавно умерший), касаясь вопроса о покорении Сибири, пишет в своих „Очерках истории Казачества“ „Кажется, уж так хорошо известен этот важнейший исторический факт в жизни государства Российского, что и говорить-бы о нем нечего, но дело в том, что известен он не в том освеще-

нии, не в том значении истории Казачества, какое ему по праву принадлежит. Мы пытаемся представить его в новом виде не потому, что нам так нравится, не потому, что это умалит значение участия в нем русских людей неказачьего рода, а потому, что так говорят документы, собранные таким нашим почтенным учреждением, как Императорская Академия Наук“.

В. В. Короченцев, изложив вкратце дело покорения Ермаком Сибири, продолжает: „Таким образом, по этому „казенному“ изложению Ермак — человек громадной воли и исключительного ума (а последнее он доказал, управляя Сибирью) — человек, не пожелавший преклонить свою гордую голову перед царем Московским, был простым наймитом у купцов Строгановых и как наемник был послан ими для завоевания Сибири. Того не могло быть! Все станет ясным, если иметь в виду, что такое освещение участия Строгановых дано на основании только одной летописи Строгановской. Строгановы, как известно, получили за это „дело“ громадные привилегии.

Много лет спустя были найдены летописи, написанные казаками, участниками похода Ермака, под старость посвятившими себя служению Богу в разных монастырях. Там в тиши келий, восстановили они в виде летописей (Есиповская и др.) истинную картину движения Ермака в Сибирь“.

Мы, поставив на рассмотрение вопрос — „был ли Ермак послан в Сибирь русскими колонизаторами Строгановыми, поселившимися в Пермском Крае, или они (Строгановы) только воспользовались его (Ермака) инициативой?..“, нарочным образом привели некоторые мнения сторонников обоих положений, для того, чтобы широкие круги читателей могли разобраться во всем деле организации походов Ермака в Сибирь на покорение Сибирского Царства.

В 1924 г. вышел в свет „Сборник казачьих песен“ — труд М. Я. Яковлева: в этом сборнике автор представил все народное песнетворчество об Атамане Степане („Стеньке“) Разине. Приходится искренне сожалеть о том, что до самого последнего времени не имеется подобных трудов и об Атамане Ермаке. Эти народные песни, а тем более старинные, являются своеобразным оригинальным и единственным памятником не только подлинного народного творчества, но также и запечатления исторических событий.

Если русские историки создавали, проводили и закрепляли в поколениях народных масс — „гипотезу“ о том, что Ермак не сам завоевал Сибирь, а был послан туда купцами Строгановыми, то единственной точкой опоры была у них лишь одна Строгановская летопись. Одно название указывает как и где, и по чьему велению она писалась, и чьи интересы блюла... В настоящее же время — наличие таких старинных исторических материалов, как-то: 1) Есиповская летопись, 2) Рукописная „История Сибирской земле и о царствии“, 3) Сибирские летописи (Издание Археографической комиссии С. П. Б. 1907 г.), 4) Проф. Миллер. Труд составленный по материалам собранным Академией Наук, 5) Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке, профессором древностей и историей Юганном Ебергардом Фишером, Сан.-Петербург. 1774 год (русский перевод), раз и навсегда категорически разрушают

*) В. Короченцев, журнал „Родимый Край“ № 3. 1929 г.

ложное поучение о том, что Строгановы послали Ермака завоевывать Сибирь... а не он (Ермак) сам по собственной инициативе совершил дело покорения Сибири.

Первоначальный план Ермака о движении вверх по р. Волге — претерпел изменение в виду того, что определилось навстречу ему движение царских войск, сообразно чему и Ермак со своим отрядом, уклоняясь от столкновения с царскими войсками, перешел на р. Каму. В начале сентября 1577 года Ермак подошел к землям купцов Строгановых.

Появление Ермака с его дружиной в Пермском Крае, было весьма наруку купцам Строгановым, которые учтя психологический момент (опасность для казаков со стороны московских воевод), предложили Ермаку с его дружиной поступить к ним на службу по охране их восточной границы от нападений инородцев. Предложение Строгановых было принято и Ермаковская дружина заняла крепостцы (острожки) по восточной границе Строгановских владений. Таким образом — Поволжская казачья вольница став к Строгановым на службу „для бережения от ногайских людей и от иных орд“, и достигнув намеченной цели (укрытие от преследований московских воевод), должна была-бы успокоиться. Этого, однако, не произошло. В ежедневных схватках с татарами, которых казаки Ермака в большом количестве брали в плен, среди казаков начинает все более и более укрепляться мысль идти „воевать Сибирское Царство“.

„Как зима-то проходит все холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое;
Да пора, уж нам, братцы, в поход идти“.

Все лето 1577 года уходит на приготовление к походу; Строгановы, стремясь извлечь возможные выгоды из похода, снабжают дружину Ермака и оружием, и аммуницией, и огнестрельными припасами, и продовольствием. Кроме того, они дают и необходимое количество будар (большие лодки), в виду того, что поход должен был протекать по рекам.

Весной 1578 года, Ермак со своей дружиной, забрав „вожей“ (вожатых) и толмачей, руководясь указаниями новгородцев (бывших в составе его дружины), коим был хорошо известен путь по р. р. Волге и Каме, за Каменный Пояс (Уральский хребет), двинулся вверх по р. Каме, рассчитывая затем плыть по р. Чусовой. Стечением неблагоприятных обстоятельств, Ермак попал не в верховья р. Чусовой, а зашел в р. Серебрянку, благодаря чему весь проект похода пошел на смарку, ибо р. Серебрянка проходя на юг, далее поворачивала на запад. Потеряв даром время, Ермак в виду наступления зимы становится со своей дружиной на зимовку на реке Сылве, у истоков р. Серебрянки (эта местность до сих пор носит название Ермакова Городища). Весной 1579 года Ермак построил на месте своей стоянки часовню во имя святителя Николая и, оставив часть казаков, желавших поселиться в этих местах, возвратился к Строганову для подготовки второго похода.

Первый поход Ермака „воевать Сибирское Царство“, закончился неудачей, но упорство Ермака, человека исключительного ума, громадной воли, и огромной инициативы, сломало все препятствия и второй поход уже завершился полным успехом.

12 июня 1580 года Ермак двинулся в свой второй поход, на бударах по р. Каме и, пройдя до истоков р. Серебрянки, зазимовал у речки, наименованной им Кокуюм и впадающей в р. Серебрянку. Зимовка дружины Ермака прошла в необычайно тяжких условиях, ибо сказались и недостаток в запасах продовольствия, и жестокие холода, и, самое главное, — некоторый упадок духа у сподвижников Ермака.

1 мая 1581 года Ермак со своей дружиной волоком перевезся на речку Жаравлю, затем по р. Баранче спустились плотами до р. Ташла, а отсюда, перейдя на струги, поплыли вниз по р. Туре. При устье р. Туры, на месте нынешнего г. Туринска, Ермаковская дружина имела боевое столкновение с татарской ордой князька Епанчи, данника хана Кучума. Жестокое сражение кончилось полной победой казаков.

„Ту бе и Сибирская страна“ — говорит летопись.

При соединении рек Туры и Тауды, казаки Ермака имели бой с другой татарской группой, которая ими была разогнана, а предводитель оной — мурза Тавзак взят в плен.

„Пришли воины с такими луками, что огонь из них пышет, а как толкнет, словно гром с небеси. Стрел не видно — а ранит и на смерть бьет, уцелитесь от них никакими ратными сбруями вельзя, — все пробивает навывлет“... — говорит русская летопись устами татарских беглецов, бежавших к хану Кучуму с известием о появлении Ермака с казаками в пределах Сибирского Царства.

К концу июля дружина Ермака подошла к устью р. Тобола. Наступил решающий момент..

Киргиз-казацкий хан Кучум, правитель Сибирского Царства, собрав громадную боевую силу, составленную из татар, остяков, вогуличей и т. д. расположился станом по берегу р. Иртыша, на Чувашевей горе (недалеко от нынешнего г. Тобольска), выслал вперед к устью р. Тобола, своего сына царевича Махметкула с отрядом в десять тысяч человек.

Уныние наступило в рядах казаков, при виде столь невероятного превосходства татар: все положение спас собравшийся казачий круг (в ночь с 1 на 2-ое августа), где Атаман Ермак резко и смело заявил казакам: „Не положим на себя худой славы. Идти назад — скоро зима, реки начинают замерзать, к тому-же нет пищи, нет и огневого запаса (огнестрельного запаса). Идти вперед — может-быть смерть, а может-быть победа, и если Всемогущий Бог нам поможет, то не оскудеет память наша в этих странах, и слава наша вечно будет“.

23-го октября произошла решительная битва между дружиной Ермака и сибирскими татарами, которые и были разбиты наголову. Казаки при этом потеряли сто семь человек — убитыми, имена коих неизвестны. По 1920 год поминались на церковных службах в Тобольском соборе. Следствием этой решительной схватки явилось то, что хан Кучум со всей своей ордой ушел в ишимские степи, бросив на произвол судьбы г. Искер — столицу Сибирского Царства.

26-го октября 1581 года — Атаман Ермак Тимофеевич со своими казаками вступил в г. Искер — свершилось покорение Сибири..

Зимой 1582 года при осаде остяцкого городка Назыма погиб от татарской стрелы один из ближайших помощников Ермака — Атаман Никита Пав. Весной 1584 года погиб Иван Кольцо с сорока казаками вследствие нападения татар Карачи-Мурзы, предположительно в это-же время татарами был убит и Атаман Яков Михайлов. В августе 1584 года трагически погиб и великий казак — Атаман Ермак Тимофеевич.

В августе 1584 г. Ермаку было лазутчиками сообщено, что в Сибирь идет бухарский караван с товарами, на каковой и готовит свое нападение хан Кучум. Охраняя путь бухарскому каравану, Ермак со своим отрядом расположился у устья р. Вагая, выходящего в Иртыш. В ночь с 4 на 5-ое августа, в дождливую и бурную погоду, Кучум со своими татарами внезапно подобрался к казачьему стану и напал на спящих казаков. Вся дружина была вырезана, кроме одного казака, сам-же Ермак ища спасения бросился в своей броне в р. Иртыш и утонул.

„Тяжелый панцырь, дар царя

Стал гибели его виной

И в бурны волны Иртыша

Он погрузил на дно героя...

(Из стих. К. Ф. Рыльева).

Соратники Ермака продолжали его дело. С одной стороны, казаки двинулись по р. Иртышу вниз к югу и создали связь с Бухарой, с другой-же они вышли по р. Оби на крайний север и в 1600 году достигли Тазовской губы.

Русский историк — проф. Н. И. Костомаров — говорит:¹⁰⁾ „... Ермак сделал свое дело. По следам его двинулась Русь в неизмеримые страны северной Азии,

¹⁰⁾ „Наше Прошлое“. Берлин 1922 г.

покоряя страну за страной, подчиняя русским царям один татарский народец за другим, оставляя повсюду следы своего поселения."

Резюмируя все сказанное, остается лишь кратко и четко подчеркнуть: обладание Сибири Россия обязана Ермаку — Атаману Поволжской казачьей вольницы...

Существует народная легенда о том, что триста с лишним лет тому назад, рыбаки ловившие рыбу в р.

Иртыше, выловили гиганта-мертвеца в стальной кольчуге, и, опасаясь всяких бед, поспешили зарыть мертвое тело Ермака в могилу...

В день 350-летней годовщины покорения Сибири, нам, современным казакам, остается сделать только одно — молитвенно почтить память покорителя Сибири — великого Донского вольного казака — Атамана Ермака Тимофеевича...

Вл. Куртин.

Пластуны.

(Клочки воспоминаний).

(Окончание).

Армия Петра Амьенского.

Каменец-Подольск. Пластуны „подтягиваются“, выравниваются, принимают „боевой вид“, чтобы, значит, при всем своем парадном блеске предстать перед новым командующим. А объявившийся перед фронтом новый командующий, небольшого роста с сердитыми рыжими усами генерал, пробежав туда-сюда „по фронту“, с видом величайшего изумления и недовольства отступил несколько шагов назад и крикливым голосом спрашивает кого-то невидимого из-за фронта:

— Что это за армия Петра Амьенского?

Пластуны зашумели:

— У чію ми це армію попали?

— Каже — якогось Петра Армьенского.

— От-туди к бісовому батькові, — довокувались...

Этот же самый генерал провожал позже пластунов на Турецкий фронт: держал большую речь, перечисляя боевые дела пластунов, уверял, что был счастлив и спокоен за весь свой фронт, когда в его распоряжении находились пластуны... Пожелав пластунам счастливого пути и новых побед на Турецком фронте, генерал прослезился...

И пластуны Великой войны, как и пластуны времен обороны Севастополя с одинаковым простосердечием и недоумением могли рассказывать дома:

„Нас там (в Галиции) хвалили, та не знаємо за що, бо ми привикли рівно тягти службу, як той віл, не хибити зроду“...

Генерал Лечицкий подробно рассказал, что пластуны сделали и чем для него были, — у самих-же пластунов остались в памяти лишь отдельные эпизоды. Да и из эпизодов этих, время выгеснило много такого, что со временем послужило бы материалом для беспристрастной „Истории Кубанского Казачьего Войска за время Великой войны“.

За все время пребывания на Юго-Западном фронте пластуны были то тараном, пробивающим крепкие немецкие лбы, то гранитной стеной, о которую разбивались те же лбы. В руках главного командования пластуны часто служили бичем, подхлестывающим русскую армию в перед, а частенько и сильнейшим, возбуждающим средством для дивизий, даже и корпусов, бросающихся в атаку. Так было, напр., в Буковине, когда пластунов пять раз вводили в окопы мешая с ударными частями (днем, чтобы видели и русские и австро-немецкие солдаты), а ночью опять незаметно отводили в резерв.

В Галиции, по селам, пластуны чувствовали себя как дома, на Кубани. Они не только сами не допускали никаких насилий над местными жителями, но и не взаимно являлись их защитниками, когда насилия совершались другими. Достаточно было и краткой стоянки в каком либо селе, чтобы между жителями и пластунами установились чисто братские отношения. Самы домовитые, хозяйственные, — пластуны с болью в душе смотрели на великую „сиротинью“ родных по языку и крови галичан и возмущались, видя их полную зависимость от евреев.

Галичане, до того никогда не выдавшие кубанцев, вероятно и не подозревавшие, что где то далеко от них на юго-востоке живет народ, который говорит одними языком с ними и — не боится евреев, — смотре-

ли на пластунов с таким чувством, с каким бедный неудачник смотрит на своего богатого, прославленного брата...

— Одна, мол, кровь!

Провожать пластунов выходили поголовно все жители и тут причитаньям, слезам и — незатейливым подаркам не было конца. Был случай, когда за одним батальоном целое село шло 10 верст...

— Та ви ж наші, рідні, та ви ж наші милі... Та на кого-ж ви нас оставляєте... — Голосили дорогою бабы.

— І відкіля вони тут, вздыхает фельдфебель Гарбуз, бережно укладывая вышитый рушник — подарок.

— Так само, як на нашій Черноморії: і мова, і пісні, і одяга жиноча... Тільки дуже жидів бояться...

Пластуны, действительно, не понимали „відкіля вони тут“. О Украине и украинцах хорошо знали (удивлялись только, когда некоторые из них сами себя называли тоже „козаками“.) Но чтобы здесь, в Галиции „під жидом“ могли жить украинцы — русины, — с тем не могли мириться.

Хорошее отношение было у пластунов и с поляками, особенно польками, которые, по выражению пластунов, „облітали коло козаків, як мухи коло меду“.

... І пісні вміють гарно співати... В Яворове, напр., казаки с полячками прекрасно пели:

— Ой не світі місяченьку, которой и научились от последних.

Обычно, с приходом пластунов в какое-либо местечко, от них пряталось все живое, халупы запирались, а внутри их было как бы пусто. Но мало по малу женщины смелели, вылазили из своих укрытий, открывались халупы, из погребов выносились обстановка, сестные припасы и — казаков приглашали „на постой“...

И только с евреями казаки не могли ужиться. Несмотря на всю их „предупредительность“. Но — это уж традиционное.

Не было случая, чтобы пластуны уничтожали материальные ценности населения просто потому, что это допускает и одобряет сама природа войска. „Дух разрушения“ им чужд, а грабеж покоренных — редкие исключения. Вандализм же вообще не присущ природе казака.

В австрийской (а вероятно и в другой „неприятельской“) печати времен Великой войны еще и сейчас можно найти достаточно „материала“, по которому казаки (в том числе, конечно, и пластуны) представляются чуть-ли не людоедами, обязательно мучащими и убивающими пленных, но это — чистый вымысел (с понятной целью). На турецком фронте бывали случаи кровавой расправы с пленными курдами и чисто „азиятского“ (времен Тимура) обращения с ними, но это лишь в силу известного закона: действие равно противодействию. И обратно. И явления эти были лишь как репрессии. Когда вид изуродованных наших пленных вводил казаков, как говорится, до осточертения...

Опять в Турцию?

Весной 14 года, как раз в разгар боев, когда пластуны занимали фронт между Прутом и Днестром, как-то вдруг появились „пластинки“ о Турции. М. Б. пластунам надоело сидеть в ямах, подкапываться под

немцев и слушать, как немцы подкапываются под них, и захотелось опять „Высот Саганлукских“; может быть тайными переговорами высших чинов воспользовались телефонисты, этот интереснейший и остроумнейший „класс“ военных единиц, — только казаки упорно твердили, что нас опять перебросят на турки.

И потому, когда нас действительно сменили и через Черновицы направили в Каменец-Подольск, никто не удивился, никто не задавал обычных в таких случаях вопросов: куда? — Все знали, что идем опять на Турецкий фронт. И все, конечно, рады были этому чрезвычайно. Ведь опять увидим Кубань, увидим свои станции, семья...

Опять песни, бубны, лезгинка на крышах вагонов, опять Украина — „краю тихий“...

Ростов, Кушевка... Родной простор, родные степи... Толпы родных и близких на станциях... Слезы, песни, ура, поцелуи...

В угаре разгула докатились до Новороссийска с его норд-остом, элеватором, пароходами и магазинами на пристанях. И разместились в магазинах. Приняли „полноцение“. Т. е., к нам просто-напросто вернулись раненые на „Высоте с рошей“.

В Новороссийске мы узнали, что идем брать Трапезунд.

Не пришлось брать Цариград — Трапезунд возьмем. Не все ли равно?... Как в песне поется:

— Мы как ой-ни-будь город завоюем...
Кровью казацкою поле оросим.

Заведующие хозяйством всех батальонов тот-час же уехали в Батум к генералу Ляхову — организовать базу. Победитель персиян встретил заведующих пластунским хозяйством „по своему“:

— Какого чорта пришли?... Знаете за чем приехали, — ну и устраивайтесь.

Пластуны под охраной всего Черноморского флота взяли направление на Ризе. Тут без помехи и высадились — десантом. Трапезунд взяли сналета, а кровью казацкой для орошения его полей и окрашения быстрой Кара-Дэрэ пролили почти 50%. Здесь пал и мой друг и первый помощник по ваятии „Высоты с рошей“ ст. урядник Пахомов.

На Высоте с рошей он получил две раны — в плечо и ногу. Отправился на Кубань. В Новороссийск приехал с „ограниченным движением левой руки и с почти зацелившейся рваной раной на левой ноге по выше колена“...

Опираясь на штык, Кара Дэрэ взял в брод благополучно, а когда по густому орешнику подбирались к турецким стрелкам, резануло его поперек живота. Пуля, точно нож искусного хирурга, разрежала кожу и вывалились кишки... Захватил старый пластун „ограниченной“ рукой свою требуху, не отставая от сотни добежал до окопов... А потом пошел искать перевязочный...

— Если-бы во-время был перевязан, — не умер бы от этой раны ваш урядник, — говорит мне после стра, ухаживавшая за Пахомовым. — „Сильная это была людина...“

Трапезунд взяли, как выразился бы генштабист: Комбинированными операциями с суши и с моря.

А в Трапезунде нашли море коньяков и ликеров... Это не Алашкерт!.. Правду сказать, — надеялись пожить в Трапезунде, но, обойдя его с юга, вскарабкались опять на высоты на линии Платаны и там засели...

Пред нами турки, над нами — туманы, под нами туманы; под туманами „утесов нагие громады“ — оставленные жителями каменные лачуги...

А в Трапезунд только немногие счастливыцы сматились.

Город „обрусел“ в один день: русские вывески, русские названия улиц и — русские пирожки в „кофейных заведениях“. А когда здесь поселился г. Яблочкин — появилась и „русская“ оперета. И мальчишка-греки уже пели по улицам:

— Ой, яблочко, куда котисься?..

Окрестности-же, в особенности прекрасное побережье, заперстры „Заявками“:

— Дача такого-то!

— Земля такого-то!

...„Мы как ой-ни-будь город завоюем...“

Эх, завоевывали мы и целые государства, да толкто какой?..

— Дача — такого-то!

— Земля — такого-то!..

А казакам, вместо орошенных их кровью полей, — „Слава на высотах“.

И — плач невольничий:

— „Мы как дань Тебе покорную

Дань своей бесчестности заплатили пластуны и на этих высотах. Приказано было взять еще одну высоту. Снарядился батальон. Под прикрытием тумана спустился со своего облака к самой речке; под тем-же прикрытием вскорабкался на „турецкую“ высоту. Дружным натиском, бомбами, согналы турок с их ненавсуженных мест. Составили ружья в козлы и повалились спать. Высота-то уж была наша!.. А туман-то оказался „объективным“ скрывал не только пластунов, но и турок. И турки, не будь дураки, вернулись — да на „козлы“ и на спящих пластунов. И опять слетел кубарем батальон к речке. Разумеется, не все. Несколько пластунов так и остались спать на вершине Понтийского Тавра... К счастью, не много, ибо и катиться вниз было сподручно и туман от турок цель скрывал.

В глубь Азии.

Кто бы сейчас точно сказал зачем, почему, да и как нас скинули с высот Понтийского Тавра, извлекли из душных лихорадочных ущелий Лазыстана и „двинули“ на голые, выжженные солнцем высоты Чолик-Самана, на которых сейчас курды бьются отчаянным, смертным боем — за свою независимость с турками?..

В конце июля 16 г. заехали мы от Черного моря на юг, стороной от Байбуртского шоссе. Была ли здесь шоссеяная дорога в тогда, когда тут проходил Александр Македонский — не знаю, но только следов грандиозных, повстие циклопических сооружений вдоль всего шоссе до Гюмюш-Ханэ видно много. И, без сомнения, истинно турецкие турки из Царя-города уверяют местных курдов и айсоров, что это ихние „беглые“ турчицы в свое время сооружали. Как петербургские историки учат, что прадеды и прапрадеды казачества „беглые“ калуцкие и иные мужички из царства Московского.

Гюмюш-Ханэ... Чудный это город! Подлез под ормивую, почти горизонтально висящую скалу, точно под огромный каменный зонтяк и бойко торгует мануфактурой. Турки, армяне, персы, арабы, курды, айсоры, лазы и — греки. Последние с армянами все еще большинство. Несмотря на то, что турки их довольно живо „сплавляли“ по Кара Дэрэ — в Черное море.

В Гюмюш-Ханэ нас смотрел В. Князь Николай Николаевич.

Батальонные постарались: в переднюю шеренгу поставили таких лыцарей, „живописность“ костюма которых могла посперить с костюмами „персидских дервишей.“ Хмурый В. К. еще более нахмурился, прошел по всему фронту и — уехал.

А батальонные надеялись, что он „смиляется“ и пошлет пластунов куда-нибудь на „обмундирование“...

Идем, идем, идем... Днем жара и едкая известковая пыль, ночью — трясемса от холода. Узкие ущелья бесконечными кривыми коридорами вьются на юго-восток. Редкие, заброшенные селения... Так дотянулись до Байбурта: Алашкерт № 2. Только — побольше. И потому еще грязнее. Прошли мимо...

Ущелья то раздвинутся в неширокую долину с предательскими зелеными лужайками — трясинами, на которых погиб не один конь наших обозников-осетян; то сузятся так, что едва-едва протискиваются двуколки. То взбираемся на голые, бурями изгрызанные вершины, то спускаемся до самых ворот в преисподнюю...

Од Ора (на море) до линии Байбурт — Гюмюш-Ханэ продырались боем, а тут хоть бы пёс какой на дорогу выскочил!

Операции на Орском направлении очень интересны и очень поучительны, но по памяти, после столыкх

лет, да еще каких лет: революции, борьбы за Кубань, „поворотов на Москву“, эмиграции — восстановить невозможно. Не забылось лишь главное: турки умелым и смелым маневром хотели выйти нам в „глубокий“ тыл, отрезать Трапезунд и нас, сидевших далеко за Трапезундом. И, наверное, вышли-бы к морю у Ора, т. к. легко сбили стоявшую там ополченскую дружину, да нарвались на тех же пластунов. На этот раз, если не ошибаюсь, на 17 батальон, который со своим командиром п. Сидоренко, в исключительно тяжелых условиях, на страшном солнцепеке (какая-то высота), без воды с патронами „на счету“ отбил все атаки турок и задержал их до тех пор, пока не подошли батальоны 2-ой бригады морем.

По дороге в глубь Азии мы уже мало интересовались прошедшими операциями на Орском направлении. Ругали проклятый рододендрон, в конец изорвавший нам одежду... Вспоминали убитых. В том числе и врком. 10 батальоном В. Ст. Кублева. Сейчас нас едино занимала новая „пластинка“ о Персии, не оправдавшаяся. А видно было, что пластунам очень хотелось побывать в Персии.

Не дойдя верст 8—10 до Эрзерума, свернули на юг и через Шайтан-Дагский перевал зашагали в пределы давным давно исчезнувшей Ассирийской державы, этого прототипа всех империалистических государств.

Являются ли теперешние айсоры потомками тех грозных тиранов, методами и способами управления которых ныне пользуются коммунисты, — не знаю. Айсоры не выглядят особенно воинственными. Впрочем, ассирийцы „прославились“, главным образом, как бесподобные кождеры, а не как вояки...

Повернули на юго-восток. Прошли по линии фронта туркестанских стрелков и — опять на юг.

Земля, видимо, плодородная, а рыбы в реках больше, чем лягушек в Челбасах... Идем долиною речки, имя которой длиннее самой речки: Ашаги-Чар-Хаснависун!..

Выбрались на Чолик-Симанские высоты. Прошли и их. Опять река. Эту взяли в брод, поднимаемся по заросшим густым лесом горам... Нашли прекрасное горное озеро с водою, как Касловодский Нарзан... Поразились и — в воду. Блаженствуем. Высоко над озером вспыхнуло сиво-белое облако... еще и еще и — на купающихся посыпалась шрапнель... ага, значит добрались таки до турок! Тут — ни взад, ни вперед — простояло целое лето. И здесь был один очень интересный „эпизод“, на котором нужно бы было остановиться. Но пусть это сделают другие участники или свидетели, у которых б. м. сохранились о том какие записки, или которые могут припомнить этот эпизод обстоятельнее.

Мы занимали обрыв высокого плато, а вправо от нас, по холмам значительно ниже наших позиций, стояли армейские пехотные части. Нам были хорошо видны как позиции солдат, так и турок. Однажды, среди белого дня и без какой-либо „подготовки“ аскеры жидкими целями вышли из своих окопов и направились к окопам солдат. Спустя несколько минут холмы и равнины между холмами покрылись бегущим „сукном“, а вскоре несколько солдат добежали и до наших позиций и, ругаясь на чем свет стоит, требуют от нас — офицеров!

— А то наши побегли прежде нас!.. И несколько наших молодых офицеров действительно пошли к сол-

датам и вступили в командование расстроенными ротами...

Однажды меня позвал в лазаретную палатку наш батальонный доктор.

— Я вам покажу одну болезнь, которую можно видеть только в Кавказской Армии.

Я увидел с десятком невероятно распухших пластунов.

— Отчего это?

— А слышали, как говорится: „пухнуть с голоду“?

— Ага!..

Действительно, за всю войну пластуны не страдали так от голода, как именно здесь. Наш командир (полк. Ткачев) и тот собирал колосья с жалкой курдинской „нивы“ и грыз сухую пшеницу.

Г. Букретов однажды приказал силою захватить транспорт с хлебом, направившийся в армейские части, а хлеб разделили пластунам.

Не знаю как и почему к нам доставляли хлеб не регулярно, с большими перерывами. Да и тот, что доходил до нас, был гнилой. О других продуктах и говорить нечего. Страдали курящие. И когда, бывало, пластуны запоят:

Сено в трубочках курили...

Это не была только песня. Хотя и не курили сено, а сухие листья шелковицы и бурака. Наши обозные кони превратились в скелеты, едва переставляющие ноги. Для прокорма послали их на пастбища верст за сорок, к Мушу.

Зимой пластунов оттянули на „зимние квартиры“ к Эрзеруму в „глубокий тыл“. Здесь их застала „великая, бескровная“. Разумеется и сам фронт оттянулся к Эрзеруму в глубокий тыл. Потому — русские солдаты не желали „анексий“.

Как пластуны на фронте „восприяли“ революцию, мне мало известно, т. к. я эвакуировался за 2—3 недели до революции и „солнце свободы“ мне впервые засияло в серно-банном городе князей Мдивани.

Пластуны и в Великой Войне „не хибили“. Их бросали с фронта на фронт. Ими затыкали все дыры. Их не признавало за своих ни одно интенданство. Для них в русской армии не существовало „вещевого довольствия“. Пластуны, это „армия Петра Амьенского“, играли в Великой войне роль, по своему значению во много раз превосходящую их силу числом. В самом деле: что значит каких-нибудь двадцать жидких батальонов в сравнении с миллионной русской пехотой?!

Но... но это были пластуны. Это были внуки тех рыцарей, что зимой на холоде, а летом на комарях, та з голодом добывали Кубань. И от людей и от природы. Это были достойные внуки тех кремневых землепроходцев, жизнь которых была много тяжелее, опаснее и богаче приключениями, чем даже жизнь героев Джэка Лондона в далекой снежной Аляске, у берегов Арктического моря.

Пластуны, эти — представители казачьей „Гольтьбы“ (ибо в пластуны набирались беднейшие из казаков) являются вернейшими носителями расовых признаков Казачества и среди казаков должен найтись унук, охочий написать всі пластуныські порядки, как это завещал дід Яків Кухаренко.

Русские о русских

... „В ней (России) никогда не было патриотизма, в ней никто никогда не любил друга, никто ничем не был связан друг с другом...“ (А. Бабов).

„Бог не дал нам государственного чувства“ (Он же).

В России „все есть и все не настоящее“ [М. Е. Салтыков (Н. И. Щедрин)].

В России существовали целые города, где, по Чехову, „не было ни одного честного человека.“

„Вся русская жизнь состоит из взаимного презрения“ (В. М. Дорошевич).

Цитировано по брошюре прис. пов. А. Бабова: „Возродится Россия.“ Константинополь. 1924.

Султан Шахим Гирей.

(К десятилетию со дня его смерти).

10 лет тому назад, 22 ноября 1921 года в г. Трапезонде (Турция), после непродолжительной болезни, скончался тов. председатель Кубанской Краевой Рады и заместитель председателя К. Законодательной Рады Султан Шахим Гирей.

Кубанским казакам и горцам не только кубанским, но и всего Сев. Кавказа хорошо памятна деятельность покойного в период 1917-1921 г. г., как одного из бесстрашных борцов за свободу и независимость своего Края.

Отношения между не только кубанскими казаками, но и всем вообще коренным населением Кубани и кубанскими горцами в 1917-1920 годах были так хороши, что могут быть примером почти идеальных отношений и для будущего. В самые тяжелые, в самые ответственные дни, когда шел вопрос о жизни и смерти обоих народов, ничто не омрачало, я бы сказал, больше чем казаче-горской дружбы и в мире, и на поле брани. То было действительное побратимство, действительное куначество двух народов, волею судьбы очутившихся на одной территории рядом и в перемену, сжившихся и решивших идти дальше одной исторической дорогой.

Добрососедские братские отношения между казаками и горцами на Кубани установились задолго до 1917 года и во время революционных бурь и последовавшей затем освободительной борьбы вопрос шел собственно не об установлении казаче-горских взаимоотношений, а об их укреплении и исключении всего, что могло бы их портить. И надо отдать справедливость обеим сторонам в том, что обе они почти что соперничали в этом святом братском деле. А на горской стороне первым в тех рядах был именно покойный Султан Шахим Гирей. В этом его бессмертная заслуга одинаково — перед горцами, и перед казаками.

Покойный родился в 1880 году в ауле Курго-



Султан Шахим Гирей.

ковском Баталпашинского отдела. Как и все Гирей, он происходил из рода бывших ханов Крымских, большинство коих вынуждено было покинуть пределы своей родины при покорении Крыма Потемкиным и переселиться на Кубань в Черкесию. По окончании Ставропольской классической гимназии, Шахим Гирей поступил в Харьковский университет на юридический факультет. За участие в студенческом движении Шахим Гирей в 1904 году был исключен из университета, куда снова поступил в 1906 году (эти скромные биографические сведения о покойном сообщены П. Коцевым).

По окончании университета Шахим Гирей вступил в сословие адвокатуры, но большую часть своего времени он отдавал общественной деятельности среди своего народа, доверием, уважением и любовью коего он неизменно пользовался до последних дней своих.

Его плодотворная, созидательная политическая деятельность в период 1917-1921 гг. заслуживает особого очерка, здесь же только напомним, что Султан Шахим Гирей был в числе тех, кто „изят“ был из состава Рады в ноябрьские дни 1919 г. на Кубани и выслан потом за границу, где и умер.

К чести горцев следует подчеркнуть, что в то время как некоторые кубанцы помогали Покровскому (бригада п. Буряка), черкеский полк во главе с Султаном Келеч Гиреем не позволил палачам прикоснуться к своим избранныкам, взяв их под свою охрану.

10 лет тому назад друзья и земляки Султана Шахима Гирея с болью в сердце и с сознанием большой утраты предали тело собрата и соратника земле для упокоения под тенью величавых кипарисов. Мы и сейчас разделяем и эту боль и сознание большой утраты в лице покойного для дела казаче-горского.

Мир праху твоему — и наш собрат и соратник!

М. Битинский.

359.

Під містом Базаром на Волині є велика могила 359-ти Героїв-Мучеників за Волю і Державність України. Це кровавий пам'ятник трагічного, але заразом і героїчного славного Листопадового походу 1921 р.; є також це і останній славний пам'ятник недавнього героїчного безприкладного збройного змагання війська Української Народної Республіки за крашу долю Батьківщини.

Року 1920. Україна в нерівній боротьбі примушена була закінчити свою збройну боротьбу. Військо українське під переважальними силами червоних окупантів, посиленних свіжими частинами з 6. Врангелівського фронту, з тяжкими впертими боями відійшло за кордони України, склавши на р. Збруч зброю Полякам. Армія Українська була інтернована в Польщі по різних таборах. Та на самій Україні хвилювання народу, що

терпів під московсько-большевицьким ярмом, не ушало; точилися майже по всіх українських землях збройні виступи, працювали завзято повстанці. І ось, щоб допомогти рідному народу, що кровавився у змаганні, щоб зміцнити організацію розкиданий стихійний повстанчий рух та щоб разом і заманіфестувати перед усім світом державницькі прагнення Українського народу та його боротьбу — інтернована Українська Армія зважується на велитенський безприкладний чин. Із таборових бараків, ізза інтернацьких дротів рушає вона 1921 р. окремими групами на допомогу повстанцям у так званий „Листопадовий похід“.

Неймовірно тяжкий був цей похід і ще жахливіше, було його трагічне кроваве закінчення. Похід розпочався двома повстанчими відділами — один ера Головна повстанча група під керівництвом Генерал-хорунжого Ю. Тютюника, другий під командою Підполковників Паля та Чорного. Менший відділ на чолі з Підполковником Палієм, а по його пораненні з Підполковником Чорним вдало доконав свійого рейду, перейшовши Україною біля 1.500 верст, буредомними наскоками розбиваючи, розсіюючи значні большевицькі сили, вислани для ліквідації повстанців, та грізно нищучи заклади чужинецького московського панування на своїому бойовому шляху. Повернувся цей славний повстанчий відділ знову за кордон лише тоді, як дізнався про розгром і ліквідацію Головних повстанчих сил.

Інша зовсім доля спіткала Головну повстанчу групу Ген.-хор. Ю. Тютюника. Цей відділ був переважно піший, більший числом і через те тяжчий в рухові. Перша ж невдача під м. Коростинем позбавила повстанців можливості озброїтися і одягтися, а разом і залярмувала червоні війська, які усім своїм тягарем навалились на них і почали неустанно переслідувати. Ось так без достатньої зброї, напівгола, напівбоса, голодна, перетомлена, через глибокі сніги, терплючи неймовірно від скажених холодів з тяжким обозом великої кількості поранених, хорих і поморожених, під постійним натиском ворога ця Головна повстанська група, кровю та нелюдськими терпіннями значучи слід, свого довгого рейду, героїчно доконала Листопадового походу, що привів її на кінець до трагічного Базару. Свідомість, дисципліна, розуміння обов'язку перед Батьківщиною, лицарська висока честь, витривалість, завзятість і героїзм старшин і козаків цієї групи справді гідні найбільшого здивування і признання. Ці люде стійко і мужньо перемагали величезні терпіння і муки, і в цих терпіннях та смерті змогли піднятися до такого високого рівня героїзму на який лише здібна людська істота. Неймовірно тяжкий був цей бойовий Листопадовий похід для війська Головної групи і закінчивсь він жахливо під Базаром.

Останній акт трагедії нерівного героїчного збройного змагання з ворогом і суворого природою відігрався біля с. М. Міньки. Повстанці були оточені зі всіх боків великими силами червоних і знесилені терпіннями від холоду й голоду, та перетомлені до краю переслідуванням ворога, були розгромлені. Довго тягся упертий бій. Вояки українські бились, як леви, боронились до останнього набою. Бачучи нарешті свою несилу і безвихідність становища, велика кількість старшин і козаків покінчила самогубством, розриваючи своє тіло власними гранатами. Біля 400 чоловік повстанців загинуло у цім кровавім бою, біля 400 було полонено. Триста п'ятдесят дев'ять стало на жорстокий і неправий суд московського „Чека“ і засуджені були до розстрілу. Всі вони 22 листопаду 1921 р. і були розстріляні та поховані в одній брацькій могилі під Базаром.

Умерли вони мужньо і гордо. На краю своєї могили, під ворожими кулеметами піднесли на найвищий щабель героїзму: гордо і з призьрством відкинули пропозиції ворога заради помилування вступити до червоного війська і мужньо в обличчя катів кинули палкі слова своєї Правди.

Коли почали наводити кулемети, з групи засуджених розголосились промови і гасла, в яких вони стверджували і свідчили свою лицарську смерть за Вітчизну. В промовах коротких, але вогнистих, згадувалось, що умірають вони за Волю України, за свій народ, за Правду і заприсягалося, що смерть їхня гнобителям не проститься. Гучне „Слава! Слава Україні!“ покорило ці промови, а по цім почали смертнику співати гимн „Ще не вмерла Україна“... Ворожі стріли припинили життя борців за свою Батьківщину.

Згадуючи з сумом 10-ту річницю цієї кровавої української трагедії, хочеться одночасно і гордо крикнути на весь світ про безприкладний лицарський чин нашої славної визвольної зброї.

Хочеться щиро сказати усім нашим друзям, що мужня героїська смерть 359 борців за Україну гідна найглибшої пошани та наслідування не лише серед нас, українців, а і серед всіх наших приятелів і в першу чергу серед тих, хто сам з таким же болем і жертвами змагається за Волю своєї Батьківщини.

Хай же смерть 359 буде назажди світлим прикладом і стимулом сили та незломности усім борцям за найвищу людську правду — за Волю і Долю своєї землі і народу.

Смерть бо 359 українських вояків є найвищою славою нашої визвольної зброї, смерть їх є найбільшим найпишнішим вицвітом традиції мужности наших стародавніх козацьких предків. Є ця смерть вартою того, аби нею уквітчати найліпші сторінки всесвітньої історії людських змагань за найвищий, найцінніший Ідеал життя — за Свободу.



Санжа Балыков.

„Быкадоровщина“ наизнанку.

Читавши 92-й номер „В. К.“ безусловно обратили внимание на выступление И. Ф. Быкадорова на докладе Ш. Балинова в Париже. Несомненно и то, что многих это его выступление удивило, как своей неожиданностью, так и полной противоположностью тому, что говорил и писал этот человек в последние три года до этого.

Однако, для тех вольных казаков, кто в курсе событий в центре „В. К.“, а в особенности кто знаком с поведением и направлением работы Быкадорова в последние два года, нынешний его трюк ничего неожиданного, ни тем более печального не представляет.

Вольноказачье течение, слава Богу, уже пережило тот этап своего развития, когда „потеря веры“, политические и моральные уклоны того или иного работника в его среде могло бы иметь в его судьбе большое значение.

За четыре года своего роста оно не раз уже видело и пережило всяческие отпадения, подвергаясь под-охам, подкопам, обманам и все это не мешало ему

расти, все прочнее и гуще окружаться преданными членами, а иные отпадения, как очищающий его среду факт, бывали даже полезны, избавляя его от политических гастролеров сегодняшнего дня.

И. Ф. Быкадоров был в первые два года существования В. К. его видным членом. Не скажу, что дальнейшая его служба Казачеству была бы не нужна, но я положительно уверен, что и потеря им веры в успех В. К. ничего значительного для Вольного Казачества не представляет.

Если бы Быкадоров после своего первого выступления на докладе Балинова не выступил через несколько минут вторично, то много можно бы сказать и привезть в его адрес. Но, так как, второе его выступление значительно разнится от первого, немного меняет его и смягчает, то мне остается только обратить внимание вольных казаков на то, что поведение И. Ф. Быкадорова все время и было именно такого рода. Слушая его сегодня, никто не мог быть уверенным, что

завтра, или даже раньше, он не скажет совершенно обратное.

Пока он говорит, что только „потерял веру“ в возможность осуществления в жизни вольноказачьей идеи. Всем, не потерявшим веры он желает успеха, обещает в случае удачи быть нашим рядовым соратником в деле служения Казачеству. Пока это так, то большой беды нет. Ну, старина пал духом, увидел всю трудность взятой нами задачи и развинулся. Нам, конечно, останется выразить ему соболезнование по поводу охватившего его душу отчаяния, а себе скомандовать: „Сомкнись!“ Ему же пожелаем только одного: чтобы, потеряв веру в Казачество, он не обрел бы веру в другое „дело“ и эта новая вера не повела бы его еще куда-нибудь...

Мне лично не нравится одно место в его выступлении. Именно то, где он, как будто между прочим, сказал, что большевизм не только чисто русское явление, что и Казачество в 17 году приняло его в целом.

Не хочется, но в голову так и лезет мысль спросить И. Ф. Быкадорову: значит мы, борясь с больше-

виками, боролись против желания Казачества в целом?.. Так, что ли? Отсюда, если логически развить его мысль, если служить Казачеству, то надо, может быть, служить именно в этом направлении его восприятия большевизма в целом? Так, что ли?

Я полагаю, что И. Быкадоров просто неосторожно бросил эту мысль. Если же это, вопреки ожиданию, было бы не случайностью, а обдуманно заявлением, то это, действительно, было бы ужасно для человека и его рода. В таком случае, к своему соболезнованию, казаки должны будут прибавить в его адрес еще и презрение.

Было время, когда „быкадоровщину“ травил русские публицисты, при чем, без всякого обоснования, под этим термином они подразумевали вольноказачье течение вообще. Теперь, пожалуй, этим же русским придется брать за восхваление „быкадоровщины“ на-выворот. Возможно, что они и на этот раз, по этой „быкадоровщине“ захотят характеризовать все Вольное Казачество. Должны заранее уверить на этот случай, что это будет такой же ошибкой, как и в первый раз.

Ив. Скобелин.

Дезертир.

(Думы на докладе 1-го ноября).

1-го ноября в Париже, во время прений по докладу Ш. Н. Балинова, я пережил неприятные минуты, доставившие моему казачьему сердцу невыносимую боль, мучительные страдания. Это были минуты, когда ген. Быкадоров сбивчиво прибывал ко Кресту, на котором распято Многострадальное Казачество, надписи: „полагаемое“ и „способие“ и путанно, но все же определенно выступил против В. К., против идеи казачьей независимости и вообще против всего Казачества.

Человек, который только вчера благоговейно читал Идею казачьей независимости, свято поклонялся Вольному Казачеству, пламенными словами зажигал казачье сердца, воскрешал в казачьей душе казачье сознание, своими историческими исследованиями восстанавливал былую казачью славу, картину былого независимого Вольного Казачества, призывал казаков служить только Ему; человек только вчера видевший единственное и высшее благо Казачества в его независимости, — этот человек сегодня извилисто и блудливо пытается осквернить распятое Казачество и поставить крест на свое недавнее прошлое, на все свои вчерашние слова и деяния.

Какое проклятое время, рождающее таких непостижимых перевертней! И как тяжело присутствовать на таком поистине жалком зрелище, когда больше чем взрослый человек публично сечет себя розгами...

Правда, Быкадоров там же заявил, что „не отказывается ни от одного своего слова“, что он по прежнему твердо стоит на том, что русские всегда давили Казачество, что даже в 1917 году вр. правительство „выборного войскового атамана и все Донское Войско объявило мятежниками“; что „может ли быть, господа, чтонибудь подлее и гнуснее? И подлость эта остается девственной до настоящего дня: мы не слышали до сих пор признания в своем преступлении главных виновников тогдашних событий. К сожалению, имеются казачьи деятели еще и сейчас на службе у этих российских „вождей“; что „общей государственной жизни у Казачества с русским (великорусским) народом не может быть: у казаков нет и не может быть доверия к русскому народу. Совместная государственная жизнь может быть в результате порабощения одного другим. Казачество никогда не стремилось к тому, а у великорусского народа порабощение, великодержавность является его природой“; что „только при своем самостоятельном государственном бытии и может Казачество жить и пользоваться своими естественными богатствами, развернуть свои силы, духовные и материальные“ и т. д. и т. п.

Ни от одного из этих своих утверждений Быкадоров не отказывается и все же он, от этой казачьей жемчужины — В. К. — „вот уже полтора года как ото-

шел“, молчал, а теперь выступил против. Быкадоров продолжает утверждать, что русские искусственно создали „московскую теорию происхождения донских казаков от беглых крестьян Московского государства. На этой нелепой, исторически абсурдной теории воспитывались поколения грамотных людей в России, ею одурманивали самосознание Казачества. Результат: среди видных деятелей Казачества — „русских интеллигентов“ — казаков по происхождению вырабатывалась психология: лучше быть даже лакеем, но у большого барина“.

Но... теперь Быкадоров сам желает быть лакеем, ибо говорит, что „Казачеству лучше быть в составе сильного, могучего государства“, а потому он против В. К.!

Быкадоров стоит твердо на том, что донские казаки представляли особую от великоруссов народность: с особой идеологией, психологией, бытом, особой (ратной) деятельностью; он по прежнему утверждает, что Вольное Казачество — Казакия — было и есть особый мир от московского (русского). Эти два мира всегда были противоположными и всегда враждебными друг другу, как следствие различной природы казачьего и русского (великорусского) народа“...

Все же, он теперь против В. К., против казачьей независимости вообще!

Это, очевидно, „дипломатический подход“ Быкадорова к казачьей массе. Но, казак не из лыка шит и связь, разведку и охранение может вести не только на военно-боевом, но и на политическом фронте.

Все мы знаем, что Быкадоров всего полтора года тому назад обратился с пламенным призывом к „Внукам“, в котором писал: „В старину было то на Дону: Войска Славного ратная сила доблесть, честь, как святыню хранила. Где теперь его рать? Нам ее не сыскать — из родного гнезда сила вражья ее резогнала. Пали одни, живых доля — безславия дни. Погибли знамена, их буря-гроза растрепала. Край наш Родимый поруган, братья и сестры в оковах-цепях, дети у хищников в цепких когтях. Пали духом отцы, от битв новых они отказались; но заветы дедов, тех могучих орлов, как святые знамена остались. Внуки! Вы стали орлами, — расправьте ж могучие крылья и клетком слова разбейте отцовские цепи безсилы. Мыслю, сердцем и волей в единую рать собирайтесь, в стаю могучих орлов вы слетайтесь. наших предков-дедов, верных Дона сынов, своим внукам — святые заветы: наша сила, знамена, присяга — обеты. Грозной тучей, стайей могучей полетим мы вперед на врагов и Край наш Родимый и братьев страдальцев спасем из тяжелых оков.“

Такие яркие сравнения, живые, полные пафоса, казачьего патриотизма слова, глубоко западавшие в казачью душу, находились у Быкадорова всего полтора

года тому назад, когда душа его пела в унисон с душой казачьей народной массы, и эти его призывные слова, как звон колокольный, доходили до казачьего „Я“; будили спавшее казачье сознание, призывал все существо казака, вселяя радость, укрепляли веру и встречали массовый бодрый ответный отклик: „Слушаю“!

А теперь Быкадоров, утративший казачье чутье и ритм казачьей души, переставший понимать „биение казачьего пульса“, сбившийся с панталыку, трусливо озираясь, блудливо и сбивчиво стал говорить на казачьем собрании не только против Идеи казачьей независимости, но и против казаков вообще, что они подчас требовали „полагаемое“ и „способие“ во время Великой и „гражданской“ войны и как бы для яркой иллюстрации привел пример уход В. Донцов с фронта „гражданской“ войны. Правда, с одной стороны он указал на их героическую борьбу с красными во время восстания. Но, с другой стороны, подчеркнул, что у казаков В. Донского округа не было оснований указывать „на подметки и развалившиеся сапоги“, ибо по его понятиям, у казаков „хранились сапоги по сундукам“, а поэтому причина к оставлению фронта казаками была несомнительна.

Неоднократно слышались возгласы: „Пораженец“!

Говорил Быкадоров так, как будто все страдное, летнее время по 20 часов в день на нас, казаков, работали русские, как будто это было чье-то „способие“. Может быть и это „способие“, когда казаки за собственные кровные деньги покупали паровые молотилки, жатки, сенокоски и пр. инвентарь. Можно думать по Быкадоровски, что русское правительство так заботилось о казаках, что и своих кровных крестьян оставило в забвении. Здесь, у казаков, паровые молотилки, а там цепы; здесь последней марки букарь, плуг, распашник, а там все еще соха, здесь сенокоска, а там — „развернись плечо, размахнись рука“...

„Спасибо“ Быкадорову — ведь он нам Америку открыл. Мы ведь думали, что это все наше, — свои же деньги платили, как и за английское обмундирование, пушки, снаряды, патроны и пр., а оказывается все это „способие“ Москвы да „полагаемое“ с ее стороны за хорошую службу казаков от императоров, Деникиных, Врангелей и Кутеповых.

Выступление Быкадорова на собрании Донской Пар. Ст-цы против В. К. и вообще против казаков, казакам стало сразу понятным и вызвало их на возмущенный отпор.

Какое печальное и постыдное зрелище! Вчерашний „вождь“, пламенный певец казачьей свободы, независимости, — сегодня добровольно превращается в жалкого перевертня! Человек вчера издававший победный призыв, окруженный ореолом бесстрашного борца, пользовавшийся симпатией и любовью казачьей народной массы, внушавший уважение и страх своим врагам, стоявший в первом ряду вольно-казачьего освободительного движения, сегодня добровольно спустился с высокой и почетной трибуны, примостился у порога „большого барина“ и трусливо лепечет „я перестал верить“, вызывая к себе самое оскорбительное для всякого казака чувство — жалость!

„Я перестал верить“... Всего год тому назад он восторженно верил в Идею казачьей независимости и этой своей верою зажигал наши сердца! За это время ничего не случилось, что бы говорило против идеи В. К., против идеи казачьей независимости...

Но мы убеждены, что от того, что Быкадоров „рехнулся“, история всяядь не пойдет, яркость идеи В. К. не поблекнет, сила В. К. не ослабнет и день торжества казачьей Свободы, независимости от нас не отдалится!

„У В. К. нет союзников“ — лепетал на собрании Быкадоров. Снова ложь! Ибо еще в 1928 году сам же Быкадоров говорил, что „друзья, союзники В. К., господа, уже определились: мы не одиноки. Друзья и союзники эти — все народы б. Российской империи, стремящиеся к своему национальному освобождению, к осуществлению своего национального бытия. Наши естественные друзья и союзники — также и народы, уже освободившиеся от России и С. С. С. Р. и живущие самостоятельной государственной жизнью. Есте-

ственный союз, блок народов Востока Европы диктуется не сентиментами, а жизненными интересами их, взаимными выгодами: он — необходимость и неизбежность“.

Так говорил он недавно, теперь „нет союзников“, а потому нужно войти в состав „сильного, могучего государства“...

Но, конечно, „собака зарыта“ не в отсутствии союзников у В. К., а в чем то другом, о чем в будущем нам скажет время и обстановка!

Верхом бестактности представляется мне попытка Быкадорова объяснить свое дезертирство тем, что он руководствуется „благом Казачества“. А так как, по новейшему мнению Быкадорова, все народы — враги казакам, осчастливить их может только русский народ, — он желает подчинить Казачество русским, в чем теперь он видит „высшее благо Казачества“!

Слушая на собрании это его объяснение, я поразился, до каких абсурдов может дойти человек... Ведь не так давно тот же Быкадоров говорил, что высшее благо Казачества — его независимость, союз с кем угодно, только не с русскими, ибо „Московское государство боялось и ненавидело Казачество больше, чем турок и татар“! А ст. Балинов там же на собрании рассказал, как Быкадоров постоянно поучал казачью молодежь — „женитесь на ком угодно, но только не на русской“, ибо, по его мнению, не только подчинение русскому народу, не только союз с ним, но даже женитьба казака на русской до добра не может довести!

А теперь...

Пусть теперь Быкадоров перед кем угодно ползает на четвереньках и поступает лакеем к кому угодно. Теперь ему никакими ухищрениями не умалит значения и силы своей „Истории Казачества“, никаким своим хамелеонством не уничтожить привлекательной сладости и будительной силы своей поэмы „Внукам“!

Что пером написано и в типографии отпечатано, того топором не вырубить!

Пока враги Казачества („белые“ или „красные“ — безразлично), в целях борьбы с В. К., будут, конечно, пользоваться именем Быкадорова, будут выбрасывать ему крохи с барского стола, может быть, дадут и средства для написания и издания какого нибудь пасквиля против В. К. Такое явление в наши дни будет не ново. Но нет, конечно, никакого сомнения также и в том, что потом его, как выжатый лимон и как перевертня выбросят за порог... Такой человек не нужен и Вольному Казачеству и его дезертирство не может повредить В. К., ибо оно теперь настолько окрепло, развилось, что измена отдельных лиц не может ему принести ущерба.

Но урок это вольные казаки должны учесть и к признаниям некоторых превосходительных казаков относиться сугубо осторожно.

Огорчаться дезертирством Быкадорова нет оснований, ибо Быкадоров, автор „Истории Казачества“ и автор поэмы „Внукам“, представляющие из себя огромную ценность, с нами, с Вольным Казачеством, а Быкадоров, „утративший веру“, — с ними!

Так должны подходить вольные казаки к дезертирству Быкадорова!

Учтя урок этого „предательства“, нам, вольным казакам, надо с еще большей верой, с еще большей энергией работать, в меру своих скромных сил, каждый на своем месте, во имя торжества нашей Идеи; еще теснее сомкнуть свои ряды, еще дружнее стремиться к своей основной цели — к освобождению и возрождению Вольного Казачества, к созданию единого сильного и свободного казачьего государства — Казакии!

На измену Быкадоровых будем отвечать так, как отвечали братья-казаки, на собрании Дон. Пар. Ст-цы — большим смыканием волюнказачьего фронта, еще более дружной поддержкой центра В. К., где высоко развевается наше Казачье Знамя, Знамя смерти и победы, откуда громко раздается наше живое казачье слово, памятью: связь, разведку и охранение!

Больше веры! „Вера горами двигает“, больше твердости, больше энергии — и наше дело будет сделано, наша Идея восторжествует, ибо с нами кости наших прародителей, оваянные славой побед!!!

Думы и мысли.

И. С. Константинов. (Д. Восток).

Таежный поход оренбургских казаков в 1919-ом году.

Снега глубоки и пушисты,
Видна лишь тропка впереди,
А там вдали места гористы:
Их трудно было перейти.

Есть дебри там кругом такие,
Где не ступал никто ногами.
Те мрачные места глухие
Зовут Сибирскою Тайгой.

Непроходимый лес повсюду,
Кругом, куда ни поедешь...
О нем я говорить не буду:
Суров он этот жуткий край.

Встречаешь кое-где местами
Полянки десятины в две.
Там одиноко, „бирюками“,
Живут охотники в Тайге.

По полянам и тропинкам
Длинной цепью казаки,
В пургу и стужу по зайкам
Шли, завернувшись в башлыки.

Там иногда дымок увидишь
В лежащем на пути селе,
И голоса кругом услышишь:
Знать будет отдых нам в тепле.

Но, увы! не так случилось.
Было так почти всегда:
Счастье нам не улыбалось...
Впереди, кругом — Тайга.

Вся деревня занятая:
Войска много уже в ней.
Долю нашу проклиная,
Мы мостимся у огня.

За околицей ночуют,
Воду только вскипятят
И с мукою разболтают —
И такую смесь едят.

Только ночью раздается
Треск морозный по Тайге.
Над несчастьем смерть смеется:
Слышен стон больных везде.

Конь усталый у привала:
Корма мало ведь всегда.
Все живое доконала
Злая темная пурга.

Нету сена, здесь и хлеба
Не найдешь. Хоть умирай
Под открытым темным небом...
Где то наш родимый Край!

Конь устал, дымит паром,
А кругом нужда, тоска!
Подгонять его ударом
Не поднимется рука.

Тяжело, но все же — еду,
Повод крепко жмет руку.
Все-же верю я в победу,
Верю в счастье казака.

Памяти казачьих вождей.

Братья, казаки! Живем мы в тяжелое время. Красный Хам справляет тризну на нашей родной Казачьей Земле. Наши братья „там“ истребляются русскими людьми, именуемыми большевиками. Мы сами рассеяны судьбою по всему миру и несем на своих плечах тяжелый крест бездомных, безродных скитальцев. Наступило время, когда решается судьба Казачества, когда стал вопрос — быть или не быть ему. В эти тяжелые дни некоторые наши братья, встревоженные грозным положением Каз-ва, в поисках путей его спасения, нашли тот единственно-правильный путь, который способен вывести Каз-во из тяжкого положения, подняли высоко знамя Вольного Казачества!

Но против этого Казачьего Пути, Свободы, против Вольного Казачества „восстали“ некоторые наши братья, некоторые наши „водители“ и безудержно на него клеветают, беззастенчиво лгут. В этом наше несчастье, в этом наша слабость. Так было в прошлом, продолжается это и теперь. Против смелых защитников истинных интересов Казачества клеветой и ложью вооружились забывшие казачью честь и славу „верноподданные“ казаки!

В эти дни, когда против истинных казаков „восстают“ „имперские казаки“, я, простой казак, за боевые заслуги произведенный в офицерский чин, хочу напомнить вам, братья-казаки, некоторые моменты из нашего прошлого, вспомнить тех великих мужей Казачества, которые за него жизнь свою отдали, хочу поделиться с вами своими думами и мыслями. Начну с далека, объясню по порядку, перечислю трагические годы Казачества, когда его великие сыны жизнь свою отдали за нас.

Первое. В 1584 году Ермак утонул в Иртыше. Второе, в 1671 г. от рук московских палачей погиб славный казачий Атаман Степан Тимофеевич Разин, за честь казачью неподкупную, за славу казачью жизнь свою отдавший. В 1686 году на красной площади в Москве под топором московского палача погибли б. Атаман Самойло Лаврентьев и Чюрносов. В 1708 году погиб Атаман Кондратий Булавин. В 1775 году погиб Емельян Пугачев. В 1800 году был казнен полк. Евграф Грузинов с товарищами.

Все они наши вожди, наши герои. Эти люди, можно сказать, казачьи жертвы далекого прошлого. Имена и память их мы должны свято чтить, помнить и не забывать.

Есть еще казачьи жертвы нашего времени, наших лет, наши современники, соратники, которые вместе с нами бывали в цепи, с нами делили нашу радость и горе. То были рыцари Казачьей Земли, но рано оставили нас и ушли на вечный отдых...

В первом ряду из них полк. Чернецов, тринадцать лет тому назад ушедший от нас. Это был первый Донской партизан, подлинный степной орел. Я его знаю, как своего начальника, с которым мне пришлось быть в боях и походах. Помню, как он говорил с большевизмом комиссаром. Мы попали с ним в плен и он, находясь в плену, когда к нему стал обращаться непочтительно комиссар, решительно скомандовал ему: с кем разговариваешь! Стой смиренно, негодяй! И комиссар повинился ему. Таков был Чернецов! Мы же находясь в плену у большевиков, взяли в плен самого комиссара с несколькими красноармейцами!

Чернецов своих партизанов-казаков любил душою и телом. Трусов и неисполняющих его приказа немедленно отправлял домой. Вообще не принуждал служить тех, кто не хотел. Он говорил нам и поучал: „Не коли-

Кому дорого свободное печатное казачье слово, кому дорога идея Казачьи, тот будет поддерживать подпиской свой казачий журнал „В. К.“

чество а качество. Кому из казаков дорого Казачество, тот найдет путь и способ служить Ему... Казак не должен кому-то служить, а должен служить только Каз-ву, всеми своими помыслами и делами защищать только казачий интерес. Прежде всего он должен познать самого себя и тогда, казак, сумевший познать самого себя, сумеет и славу казачью защищать, не пожалеет и жизнь свою отдать за заветы прадедов, за „казачье древнее обыкновение“...

Так поучал Чернецов нас, своих молодых донских орлят!

Славный наш Атаман А. М. Каледин, из за трусов и малодушных добровольно смерти себя преданший, вот уже тринадцать лет лежит под сырой землей!

Даже и теперь, в настоящее время, имеются среди нас друзья и малодушные, которые говорят: да что мы можем сделать? Нас мало, да у нас есть атаман ген. Богаевский, он, мол, все для нас и за нас сделает...

Нет, братья-казаки! Богаевский ничего казачьего уже не делает. Он будет делать так, как делал когда-то ат. Максимов, человек слабавольный, который решил рабски подчиниться москалю, кн. Долгорукому, отдать Бахмутские солеварни, отдать казачек наших матерей, жен и сестер, на с'едение, истязание разнужданным московским солдатам, славное Вольное Казачество подчинить „блустителям“ московских порядков. Царство небесное славному Атаману Кондратию Булавину. В нем созрела казачья мысль, именно он отстаивал казачий народ от насильников московских. Но этого славного Атамана предал Москве другой не славный атаман Максимов. Так, как Максимов, будет действовать и поступать и ген. Богаевский! Знайте это, братья-казаки!

Сколько этих казачьих героев, наших современников! Кубанский казак Бардиж; Донской Атаман Назаров, предсид. Круга Волошинов, большевиками расстрелянные! „Донской Баян“ М. П. Богаевский, погибший от рук русских большевиков в Ростове, в Балабановской роше! Это место, где были расстреляны пять наших казаков, я знаю хорошо, ибо я был шестым и мне чудом удалось бежать из под расстрела. М. П. Богаевского я лично не знал. Знаю его по его словам, действиям. Знаю по рассказам своих родных. Один мой брат, который был расстрелян в Ростове „Марусиным отрядом“, был в восторге от М. П.

Кстати, хочу сказать пару слов о своих товарищах по несчастью, о тех пяти казаках, расстрелянных в Балабановской роше, откуда я чудом бежал. Два были Гниловской станицы с хутора Недвигаевки, двоюродные братья, точно фамилии не помню; один Егорлыцкой станицы Золотарев (имя не помню); Елизаветинской станицы два — один Кочурин Илья, а другого не помню. Мир праху вашему, дорогие братья, погибшие от пуль московских палачей, в образе большевиков!

Братья-казаки! Я не собираюсь дать характеристику погибшим нашим вождям, героям Казачьей Земли. Силы и познания мои для этого недостаточны. Говорю вам только о том, что знаю и что занимает мои мысли, думы. В будущем тоже буду говорить только о том, что пришлось испытать за эти 5 лет войны и 11 лет эмиграции.

То жертвы „красных“ русских! А есть казачьи жертвы „белых“ русских!

В первом ряду этих жертв от „белых“ русских — два выдающиеся сына Кубани — Рябовол и Кулабухов, которые были гордостью многоводной Кубани, беззаветными защитниками высшего казачьего права.

Вот тут казакам особенно следует призадуматься и твердо помнить — от какой руки погибли Кулабухов и Рябовол и за что их погубили. Вот факты, которых ни в коем случае и никогда нельзя нам забывать, братья-казаки!

Для истребления лучших казачьих сынов, русские пускают в ход ложь и клевету. Например, где же правда русского человека, когда он говорит, что кубанцы бросили фронт? А куда же делись сторжники этих русских „вождей“? Их не было, а были только казаки! Сидя на нашей же шее, расстреливали наших вождей! А когда казаки ушли домой, то и фронта их не стало!

Но хуже всего то, что имеются среди казаков сто-

ронники этих преступников, которые повесили нашего же брата казака! В данный момент некоторые казаки идут рука об руку с ними. Например, ген. Богаевский первым идет с ними, с этими преступниками, которые хотят идти на Москву, опираясь на казачью живую силу. Это смахивает на то время, когда Петр I пробивал „окно в Европу“, опираясь на казачьи плечи. В данное время глава Дон. Войска променял Каз-во на москалей. Именно из за таких предающих Казачество людей, как Богаевский, Казачество носит на своей шее московское ярмо. Выше я говорил о предательстве ат. Максимова. Ему подобен и современный ат. Богаевский.

Но я верю — будут у нас другие люди, продолжатели дела Булавина. Возродится и воскреснет славное Вольное Казачество! Для этого всем нам, братья-казаки, нужно прислушиваться к тому живому, громкому казачьему слову, какое разносит по свету В. К., нужно морально и материально поддержать тех, кто прямолинейно защищает подлинные казачьи интересы, тот центр, где развеивается знамя В. К.

А вы, далекие и близкие рыцари Казачьей Земли, защитники казачьих интересов и прав, спите спокойно. Продолжатели ваших дел с каждым днем множатся и недалек тот день, когда ваше дело восторжествует, когда ваша безмерная и могучая слава еще больше возвеличится! Память о вас не умрет, вечно будет жить в сердце и душе казачьего народа, в стране казачьей — Казаккии!

Почившие братья родные
Спят крепко спокойной душой —
Их подвиги вспомнит Казаккия,
Помянет молитвой святой.

Ив. Болдырев. (Франция).

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить в журн. „В. К.“ фотографию моего родителя Петра Алек. Кирьянова, который замучен на каторжных работах в коммунистическом раю, и эти пару строк, в которых я хочу крикнуть на весь мир, что старику 65 лет, что мучился он на принудительных работах 17 месяцев и умер от голода.*)

Петр А. долгие годы был атаманом и никому плохого ничего не сделал, он любил помогать бедным, человек он был в свое время зажиточный и имел что дать и давать! Он некоторым бедным казакам покупал полковых лошадей за свой счет и вообще много помогал в других отраслях. Петр А. был на своем атаманском посту до самого Новороссийска, откуда, обманутый, как и все казаки, вернулся домой, где было все разрушено и разграблено до основания. Прожил до 1930 г. в трудных условиях, но все таки на родине. 15 февр. 1930 г. его арестовывают и увозят на далекий север, где воют медведи да шумит дремучий лес, и в этих лесах гибнут беззащитные казаки от голода и холода. Он не раз писал мне, что „ждем вас казаками...“ Не дождался и сложил свою голову во враждей стране, которая не мало поглотила казачьих голов при кровопийцах Петре I, Екатерине II, и других. П. А. умер 18 июля 1931 г. Его друзья писали, что вечером пришел с работы в барак, постелил свою скудную постель, лег спать, а утром проснулся, а он мертв...

Дорогие братья, пишу эти строки, а сердце обливается кровью, — за что бедные так страдают в своих старческих летах?

В 1918 г. в феврале месяце у нас бросили список, что будут увозить 12 челов., в том числе состоял и покойный П. А. И вот однажды в 12 час. ночи слышно стук самохода. Петр А. моментально вскочил с кровати, смотрит в окно и видит самоход подходит к калитке и становится. Тогда он вбежал ко мне, разбудил меня и сказал, что большевики приехали за ним. Я вскочил. На стене висела винтовка. Я взял винтовку и вышел в коридор, стал напротив большого окна, а родитель с револьвером. Калитка открылась и три чело-

*) К сожалению фотография такая неясная, что сделать клише не удалось. Ред.

века стали идти по направлению к дому. Я не выдержал и спустил курок, дал выстрел за выстрелом пять штук и они скрылись. Так мы просидели до утра. От того дня уже был всегда назначен патруль... Когда я получил письмо от матери, что отец арестован и не знают, куда его завезли, то я сразу себе припомнил ту ночь...

Дорогие братья, надо помнить, что пьют кровь большевики и только казаchio. Эту самую кровь пили монархисты и собираются еще пить, но им это не удастся. Разве мы этого только достойны, чтобы умирать голодной смертью? — Нет! Мы должны защищать свои казачьи интересы так, как защищали их в 19 и 20 гг., отстаивать свои права, свою вольность. Взять такие государства, как например: Австрия, Швеция и Греция — по 6 мил. народонаселения, а живут как немцы и англичане. Но ведь есть и еще меньшие государства, как например: Норвегия, Дания и Финляндия по 3 миллиона населения; Литва, Латвия и Эстония по 2 мил. нас., а Албания 1 милл. Отсюда невольно возникает вопрос, что такие малые госуд. живут лучше, чем Германия или Англия...

Неужели Казакция меньше Албании? Неужели Казакция беднее этих государств? — Нет! они в период самоопределения имели вождей националистов, которые отстаивали интересы своего народа, а наши вожди тогда думали только о старом, о чинах и орденах с чужого стола... А некоторые только пьянствовали. Пропало казачество только через неудачных вождей... больших и малых.

Я хочу сказать пару слов о своем командире 4-й Д. каз. сотни 2-го конн. офицер. полка отряда полковника „Дроздовского“. Донск. каз. есаул С. По занятии г. Екатеринодара он связался с какою то Прозаровской, держал по две или три лошади и по три или четыре казака специально ухаживать за лошадьми и за ней. Думали они о родине, только не о своей... И поэтому все пропало. Он говорил, что „ваши донцы не хотят идти дальше границы Дона, — сволочь, нужно расстреливать...“ Правда, он не ошибся, что надо было расстреливать, но вопрос — кого? — тех, что не хотели идти дальше границы, или тех, которые возились с бабами, когда родина была залита кровью.

Профессор Масарик патриот своего народа, защищал его и старался сделать столицей Прагу, а не Вену. Маршал Пилсудский защищал свой народ и старался сделать столицей Варшаву, а не Москву. И только ген. Богаевский не думал о Новочеркасске, чтобы сделать его столицей, а старался сделать Москву или Петроград. Через это мы и попали за границу чужим дрова рубить, а оставшиеся в России сосланы на „Соловки“, да на Мурман умирать голодной смертью, а ген. Богаевский с г. Мельником в Париже открывают банки.

За смерть замученных мы должны благодарить по священному писанию „око за око, зуб за зуб“. Реакционерам казакам позор на всю жизнь, что они до сего времени не придут в сознание и не перестанут работать против своих братьев. Для г. Мельникова и г. Богаевского интересы России дороже, чем интересы казачества, а потому они стараются провести свой план. Русские смеялись и смеются над казаками и называют их бандитами везде и всюду, а г. Богаевский не обращает внимания и лезет под русское крыло.

Пускай русские знают, что у нас на первом месте будут записаны в истории Разин, Булавин, Пугачев, страдальцы: Соловков, Мурман, Сибири; а так же и герои наших времен пол. Волошинов, ат. Каледин и лихой атаман Назаров, который сам командовал при расстреле самого себя. Не было подобных ему героев в „гражданской войне“...

Мир праху нашим героям, верным сынам Тихого Дона, которые не преклонили своих голов перед врагом до самой своей смерти. Да будет завет их для нас навсегда.

Казак В. Сальских степей Дона А. Кирьянов.
(Польша). 11-X-1931.

Письмо из г. Лиона.

Дорогой станичник Редактор!

Я журнал „Р. К.“ не читаю — он не нравится мне. Прочитав статью станичника Савельева в нашем уважаемом журнале „В. К.“ „Умственная ограниченность или сознательное наивничание“, не могу удержаться, чтобы не написать сие Вам, а Вы в журнале.

Революция 1917 года толкнула все народы бывшей „Российской Империи“ в русло политики. Казачьи Края тогда же отделились от „России“ (диктовала политика). Строй был: Круги — Рада, символ народной власти. Атаманы наши, благодаря все той же политике достигли высшей власти. Избирая себе начальника-Атамана, народ ждет от него защиты своих интересов. Значит, чтобы достигнуть власти, надо было „увлекаться“ политикой? Да еще и той, что и народ! Выходит, по моему, могут заниматься политикой лица, стремящиеся к власти, как г-н Богаевский, а мы, простолюдина, — на что она нам, мы нужны были, когда ему нужен был пост Атамана, а после де можно вообразить себя „позамаником Божиим“, а не выборным атаманом... Как низко звать к нам (теперь особенно): „поменьше увлекайтесь политикой!“

Дорогие станичники, как же мы не должны увлекаться ею?! Кто мы есть в настоящий момент? Мы — политические эмигранты.

Политика Атаманов нас довела сюда. Мы были (и сейчас еще), доверчивы к нашим верхам, которые приняли наше доверие — как непонимание политики народом.

Конец 1919 г. — неужели он до сих пор не научил многих, а особенно наших Атаманов, что масса разбиралась в ней лучше чем они? Какой дух был в 1918 г., когда казаки сами начали выдворять большевиков, дали власть над собой им же, думая, что 1917 г. сблизил их и нас, „низы“. Народная власть была, за нее стояли горой. Они, верхи, думали, что народ не разбирается — ему де только воевать... Политика, дорогие станичники, нам дала: мы были хозяевами 3 года дома, не только своего хозяйства, но и свободные граждане своих государств. Стройно шло, когда была Рада — мысль народа. Коснулась ее рука стремившихся к власти единонеделмцев — мы потеряли все.

Жизнь сама подсказует необходимость знания политики. Возьмите хотя ту же Болгарию, всего 60 лет как освободившуюся из под Турции. Народ по выражению многих русских — „дикари“, а они от мала до велика все уже разбиты на политические партии „и они показали сознательность и политическую зрелость“ („Последн. Новости“).

Только наши Атаманы все пугают нас „политиканством“. Почему?.. Потому, что политика нас толкает вперед, заставляет изучать историю свою и осознать „естественные права Казачества“, а это им не подходит. У них в голове „Матушка Россия“. А где она, если там, где она была, есть СССР, а они эмигранты..

Генерал Богаевский зарубил одно „при царе нам, казакам, жилось не плохо“. Я же скажу, станичники: у меня дедушка покойник был, очень и очень добрый для меня, но он умер, умерло и все, что было связано с ним. Скажите, пожалуйста, должен ли я был сложить руки и ждать, когда вернется дед с того света? Или же сам начинать жизнь так, как живут и другие без дедов?

Я выбрал последнее, никого не дожидаясь. Кто же вернет покойника царя Богаевскому? Народ?.. — Наш казачий народ вернет Круги и Рад. Русский, который искореняет все уцелевшее царское?

Еще любимый шаблон противников „Вольного Казачества“: „им нужны портфели“. А вам что нужно? Вы похваляетесь (г-н Мельников на Тройцу в 1930 г. в гор. Лионе) о своих достижениях. Чего же вы достигли? Перевезти из рабства в рабство — их достижение! Если бы не Мельников, неужели бы за мои 700 лева на контракт не перевезла бы меня контора „Ат-

лантик"? Достижение „Казачьего Союза“ — полчка комиссионных с нас же для основания банков...

Это ли нам надо? А инвалидов сколько уже из нас от ваших перевозок? Для них сделано что либо? Они нищие, которые должны рассчитывать на любезность лиц, подобных лицу, поддерживавшему слепого Уса!

А „портфели“ у Вас. Они Вам только и нужны, а что должно их наполнять — вам неинтересно. Полезно ли оно Каз-ву?

Дорогие станичники! Где вы найдете не только старое прошлое, истинное без подделки, но хотя бы и вот что творилось при нашей памяти? Оно укрывлось бы и дальше от нас, но благодаря нашим станищикам, сотрудникам „Вольного Казачества“, нас знакомят со всем, дабы мы учились на ошибках не ошибаться другой раз. Не думайте, что у них цель — портфели, нет им дороже свой народ и его благо, они из ничего делают колоссальную казачью работу.

Политика нас сюда довела, она нас должна и вести, только надо знать ее, а не удаляться, и выбирать моменты, где и как можно это найти. Вот к чему зовет „Вольное Казачество“, а не в темь и глушь, как Богаевский и К°.

Все партии, которые существуют, оне политические, как и та же Богаевского — монархическая. Что это? Не политическое течение? или благословение Всевышнего?

Мой призыв, призыв простого казака, к вам, дорогие станичники, учиться разбираться в политике (жизни), чтобы и мы могли быть и сумели показать „политическую зрелость“ при „искании путей к облегчению положения“, в котором мы находимся.

Каз. Петр Сотников.

14 июля 1931 г. Франция.

„Ухнали“.

1918 год. В небольшой казачьей станице горной полосы Кубанской области идет скрытая, глухая борьба казаков и пришлых элементов, выходцев из России, бывших всецело на стороне надвигавшихся с севера поработителей, несших казакам рабские цепи, выкованные в московских кузницах под руководством немецких мастеров.

Первое время казаки не особенно остерегались пришлых русских, живших давно в станице. Но вот стали наезжать из соседнего советского города автомобили с отрядами солдат и каждый раз вырывали из станицы видных казаков, арестовывая их и увозя в город. И вот тут казаки хватились за ум: кто-то доносит в советы о казаках. Тогда казаки стали осторожнее и недоверчивее. Собретутся где-либо на улице три, четыре казака-старика, смотришь, тут и иногородний, сват или кум кого-либо из присутствующих казаков. Начнет кто-нибудь из казаков высказывать свои душевные казачьи мысли, а другой старик толкает его в бок, давая знак замолчать. Недоумевая казак замолкает и переводит разговор на погоду или урожай хлеба, а после, идя домой со своим станичником предупредившим его, спрашивает его, почему ему не дал договорить, все там были свои казаки. „Э, сват, все свои, да не все казаки! Грицко хоть он мне и кум и давно в станице живет и сын мой хочет жениться на его дочке, но я думаю, что он „ухналь“. Так казаки прозвали тех доносчиков и предателей, которые вклинились в станицу среди казаков, как ухнали в копыто лошади...

Эти „ухнали“ выдавали казаков, доносили в советы на лучших из них. Все эти пережитые картины прошлого и крылатое слово „ухналь“ невольно вспоминается мне при чтении нашего официального органа „Кавказский Казак“, и приходится с болью и грустью сознаться, что Казачество увело с собою на чужбину много „ухналей“, которые и здесь продолжают свою работу, терзая и разрывая единое казачье тело. Выражаясь словами поэта: „Вокруг кипучей казачьей груди обвилось много, губительных змей“. Но что обиднее всего и отчего больнее всего сжимается казачье сердце, это тот печальный факт, что среди ухналей и змей, терзающих вольнолюбивое Казачество, приходится встречать

не только прилепившихся к нему русских, но и своих „байстрюков“. И что обиднее всего, что казаки этих змей замечают и убивают слишком поздно и операция эта стоит иногда новых казачьих жертв.

Не хотелось бы вспоминать черных пятен казачьей жизни, которые остались на Кубанской казачьей дивизии во время ее работы на шоссе Вранье-Баниград; не знаю, сознал ли теперь генерал Зборовский свою ошибку и вину в печальной истории и тяжелом уголовном преступлении поручика Король, унесенного с собою в могилу две казачьи души. Правда, генерал Зборовский после издал приказ, где указывал, что поручик Король, взятый в плен при разгроме Жлобы, оставался в белой армии и ушел за границу, повидимому, как советский агент с целью вредить Казачеству, разлагать его и провоцировать казачье имя. Но это признание было уже после того, как поручик Король сознался перед сербским судом в ряде тяжелых, уголовных преступлений, а до этого времени генерал Зборовский не мог найти среди достойных казачьих полковников лицо, которому мог поручить заведывание хозяйством дивизионного лазарета. Чем руководствовался генерал Зборовский, назначая на эту должность поручика Король, не знаю, но только последствия этого назначения оказались потом очень печальными, тяжелыми и наложили на казачью дивизию несмываемый позор в глазах братского народа. И только тогда открылись глаза генерала Зборовского на своего избранника, которого он предпочел казакам, когда поручик Король попал в тюрьму как убийца с целью грабежа.

Из приказа в „К. К.“ за сентябрь № 9 я увидел, что до ушей Атамана дошел тот факт, что казакам чинят препятствия читать казачье слово и что должностными лицами дивизии из казачьих умов изгоняются казачьи мысли, так сказать, казачья политика и взамен ее насаждается политика русская, навязываемая разными не казачьими газетами и журналами самых разных оттенков и направлений.

От души приветствую этот приказ Атамана. Жаль только, что он издан с большим опозданием. А последние фразы приказа: „Действия таких строевых начальников считаю совершенно недопустимыми и разлагающими казачью среду. Приказываю начальнику дивизии положить предел такому безобразию. Предупреждаю всех строевых начальников, что если подобные явления будут повторяться, то я виновных буду отрешать от занимаемых должностей, исключать из дивизии“, были бы очень своевременны еще в 1923 году, когда старания и заботы генерала Зборовского и его штаба, состоявшего большей частью из неказачьих офицеров, были направлены к тому, чтобы очистить Кубанскую дивизию от казаков, дабы легче было проводить и насаждать среди рядового казачества общерусскую, не казачью политику. Всякое казачье слово преследовалось, а имевшие смелость делиться с казаками заветными казачьими мыслями изгонялись из дивизии под тем или иным предлогом и даже предавались суду.

Хотя я по расстоянию и далек от казачьего ядра Кубанской дивизии, но из переписки с друзьями ярко представляю как всеми этими Самарскими, Саратовскими, Петербургскими казаками, которые в свое время стараниями генерала Зборовского заместили собою казачьих офицеров, ведется воспитание казачества и насаждение идей того же порядка и рода, которые продвигал в 1919 году знаменитый „Осваг“. Разница только та, что в 1919 году русские добились того, что не вольные казаки в руках ловких политиков своими руками совершили насилие над своими отцами, допустив арестовать и разогнать свою Раду и повесить своего избранника. А теперь последователи того же „Освага“ „ухналями“ вклинились в дивизию и, повидимому, работают и дальше на обрусение казачества.

Больше ничем я не могу объяснить „работы“ таких должностных лиц, которые ставят препятствия казакам читать даже их безобидный в политическом отношении информационный официальный орган „Вольная Кубань“. Воображаю как эти господа зорко следят за тем, чтобы в части дивизии не проникло вольное казачье слово, вроде: „Вольное Казачество-Вильне

Козачество⁴, ибо я на себе испытал, как эти господа боятся вольного казачьего слова.

В 1924 году в дивизии слово „самостийник“ считалось „позорным“ и офицер или казак, подозреваемый начальником в самостийности, считался как бы зачумленным. С ним боялись (конечно, трусливые) разговаривать и водить компанию из страха, что по доносу услужливых „ухналей“, опала генерала Зборовского распространится и на них, если он узнает о сношении с такими лицами.

Теперь из прекрасного далека мне часто вспоминается пережитое в 1924 году в дивизии, когда против двух инвалидов, казачьих есаулов, было возбуждено судное дело по обвинению их в самостийности и генерал Зборовский дал полный ход этому делу и вызвал военного следователя русских военных сил в Сербии. Делались обыски среди казаков, с которыми эти офицеры были более близки, и у всех их искали „самостийную“ литературу и „самостийное общество“.

Теперь, когда я все это мысленно вспоминаю, от души хохочу над всей этой комедией, хотя она нам и стоила того, что мы, оба инвалида, были переведены в резерв чинов дивизии и вынуждены были покинуть дивизию. Приведу слова поэта: „еще много носить нам

придется на душе и на теле цепей, вокруг кипучей казачьей груди обовьется много губительных змей“.

Но думаю, что своим казачьим чутьем разберется оно в окружающей среде и среди своих близких разберется — кто ему друг и кто недруг и освободится от всех этих змей и ухналей, а живой казачий ум и свободолюбивую казачью душу не скуешь цепями. Это не должны забывать те, кто препятствует свободному доступу в казачьи умы свободного казачьего слова. Не забывайте также примера России в прошлом, где вместо насаждения разумного слова, здравого смысла и просвещения через увеличение школ в деревнях, русскому мужику старались насадить больше кабаков, чтобы он свой досуг проводил в беспробудном пьянстве, меньше думал бы о политике. И вот теперь раб мужик расплачивается по векселю со своими воспитателями, которые скрывали от него свет, загнав его в тьму.

Плохую услугу оказывают Казачеству те, которые изгоняют вольное казачье слово из казачьих умов и мешают развитию казачьего самосознания и плохую оценку даст им грядущее казачье поколение, заклеив их врагами и предателями Казачества.

Есаул Н. Посохов.

(Италия).

Международные очерки.

Дела на Дальнем Востоке.

Текущий год необычайно богат событиями мирового значения. Всеобщий экономический кризис, принявший во многих странах катастрофические размеры; Испанские события; стихийное наводнение в Китае, обездолившее десятки миллионов людей; Ганди за круглым столом; Австро-германский экономический договор, нарушивший покой многих европейских политических деятелей и для своего аннулирования потребовавший дружного усилия представителей многих держав; неожиданное падение английского фунта и его отзвуки; Гитлеровское движение в Германии; планы Хувера; взаимные визиты Германо-Французских министров; грандиозные крахи банков и пр. и пр., все это в калейдоскопическом сочетании захватило внимание читателя ежедневной прессы, сделав его равнодушным к событиям повседневного характера...

Но так уж водится на свете — что пошлетса человечеству свыше, то пошлетса в изобилии. Народная мудрость это выразила: „пришла беда, отворят ворота“, или: „спотыкнется собака раз, спотыкнуться ей сто раз“. Так, видно, и тут. Не успевало человечество пережить одно событие, как на таинственном полотне мирового экрана разворачивалась другая картина, там назревало третье событие не меньшего значения и не меньшей занимательности. Осень принесла нам Японо-Китайский конфликт.

Согласно определению Лиги Наций и газетным сведениям, можно, конечно, называть этот случай просто „конфликтом“, ибо война официально ни одной стороной еще не объявлена, но, постольку, поскольку уже гремят пушки, аэропланы сбрасывают бомбы на города, войска наступают и отступают и льется человеческая кровь, это не просто конфликт, а настоящая война. Одним из современных достижений цивилизованного человечества, вероятно, является война без объявления войны. Так, в 1929 году большевики и китайцы повоевали без объявления войны и, видимо, способ этот привьется...

Для того, чтобы заглянуть, что называется в корень вещей и понять подлинную подоплеку Японо-Китайского конфликта, нужно обратить внимание на один основной элемент в жизни этих, двух великих желтых держав: это — резкий всесторонний контраст.

Если мы, бывая в Западно-Европейских государствах, едва замечаем разницу в моральной и материальной их жизни и государственной структуре, то Япония и Китай — два полюса, два разных мира. На одной стороне — высшие формы современной организации

государственной и общественной жизни, высокая, прогрессирующая техническая и духовная культура, необычайная теснота населения, отсюда недостаток предметов питания, недостаток самых необходимых для современного государства природных даров и, плюс к этому — полная анархия в общественной и государственной жизни, дрящущая уже свыше 20 лет, духовное закоснение, техническая и организационная отсталость, неравномерно населенная громадная территория, таящая нетронутые природные богатства, и именно те, в которых нуждается Япония.

Само собою разумеется, что соседство двух таких организмов не может в наше время протекать в полном спокойствии. Япония со своим 65.000.000 населением, на своих, внешне и внутренне бедных скалистых островах, размером в 382 тысячи квадратных километров, т. е. 169 человек на кв. килм., буквально задыхается и, в то же время, будучи активнейшим народом, располагающим боеспособнейшей в мире армией, экипированной по последнему слову техники, она не хочет, очевидно, спокойно умирать под давлением несправедливости природы.

Об очевидной, вынужденной японской экспансии писали давно и многие, но, почти все они, в качестве объекта японской интервенции предпологали Филиппинские острова, расположенные в благоприятном для японцев климате и населенные отсталыми, мелкими народами, легко могущими ассимилироваться в японской среде, ныне находящиеся под властью далеких Северо-Американских Соединенных Штатов (сокр.: САСШ).

Эти предположения и специальные исследования знатоков вызвали в заинтересованных странах должное внимание, но сами японцы с самурайской откровенностью не раз указывали, что им не острова нужны, а твердый материк; это принималось как своего рода „отвод глаз“. При внимательном подходе к этому вопросу, действительно, становится ясно, что интересы и возможности Японии гораздо шире на территории Китая, чем САСШ.

Если прибавить к этому фактическую „прикосновенность“ Китая для многих Великих держав, прочно опутавших его экономическими нитями и твердо закрепившихся в нужных районах под видом различных концессий и пр., то весьма понятно желание Японии иметь и свою долю в этом деле. Учитывая все эти факторы, явно говорящие за неизбежность японской экспансии в Китае и принимая во внимание обстановку как в самом Китае, так и вообще в международной сфере, сложившуюся к моменту начала конфликта,

нельзя верить, чтобы возникновение его носило случайный характер. Что касается официального предложения для начала, то он нашелся, как и всегда в таких случаях, в виде убийства неизвестными китайцами японского офицера Никамуры, а несколько позднее сюда прибавили «защиту интересов и безопасности японских граждан в Китае».

Манджурия, где разыгрываются акты этого «конфликта», является громадной страной с нетронутыми, колоссальными природными богатствами и сравнительно редко населенной. В этническом отношении манджурцы все таки не китайцы и существенно от них разнятся; они являются покоренным в свое время Китаем народом, еще неутратившим своего национального лица.

Поэтому взоры японских общественных деятелей давно устремлены на это место, как могущее послужить выходом для Японии из ее экономического и территориального положения. Достаточно указать, что уже добрых два десятилетия Япония помаленьку проводит здесь организационно-творческую работу, вкладывая в организацию этого края достаточно денег и труда, чтобы понять насколько жизненно она здесь заинтересована. В результате этой работы японцев, Манджурия являлась до сего времени оазисом среди взбалмученного Кигайского моря, где порядок, труд и жизнь человека давно потеряли уважение и защиту власти.

С этой точки зрения Мукденское выступление Японии в ночь с 18-го на 19 сентября и является одним из этапов освоения ею Манджурии. Она просто прочнее закрепляет за собою плоды своих многолетних работ в лучшем случае, а в худшем, все, кто знает должен, должны узнать, что «без серьезного ущемления интересов Японии нельзя никому протягивать сюда руку».

Время и обстановку, выбранную японцами для выступления нельзя не считать удачными. Внутренняя анархия Китая, раздробленного враждующими генералами на несколько взаимно независимых государств, усиленная грандиозным национальным бедствием, вызванным небывалым разливом реки, протекающей через всю житницу Китая, достигла к этой осени своего кульминационного пункта. Всеобщий экономический кризис, сковавший по рукам внешнюю политику главнейших держав мира, преимущественно имеющих интересы в Китае, всестороннее бессилие одного из ближайших возможных соперников Японии здесь — СССР, указали Японии, что момент настал.

Надо отдать должное японской политике и за то, что она, несмотря на указанный ряд благоприятствующих обстоятельств, тщательно позаботилась, чтобы «все было хорошо». Так, перед самым своим выступлением она завела с СССР заведомо ей ненужные, но заманчивые для советов переговоры и так искусно их зятянула, что к моменту японского выступления переговоры оказались, как говорится, на самом интересном месте и большевики принуждены были хранить молчание; что в свою очередь заставило многих думать, что между этими государствами по Манджурскому вопросу существует соглашение относительно зоны влияния. Когда же большевики увидели себя одураченными, было уже поздно. И это было сделано при явной невозможности для СССР реально противодействовать Японии. Ведь мало того, что русские в добрые годы, так сказать, «доставали» от японцев, в данное время у советов нет ни денег для ведения войны, ни надежной армии, ни транспорта для переброски нужного количества войск на Дальний Восток.

Что касается САСШ, то острая безработица и финансовые опасения затрудняют возможность их активного вмешательства.

Внешняя политика Англии, помимо всяческих кризисов внутри, колоссальной безработицы, осложнена Индийским вопросом и есть все основания полагать, что она не в состоянии втягиваться сейчас в серьезный конфликт с Японией из за Китайского вопроса. Мирнолюбивая политика Франции и необходимость ее сохранения существующей мирной ситуации всем ясна.

А кроме указанных причин внутреннего характера, затрудняющих возможность вмешательства этих держав в Японо-Кит. конфликт, есть еще одно серьезное об-

стоятельство, сковывающее их решительный образ действия. Это — колонии Англии, Франции и САСШ, которые расположены под боком Японии и в которых есть национальные брожения. В случае необходимости Япония легко может их здесь уязвить, подержав эти брожения.

Таким образом, все решительно возможные конкуренты Японии в Китайских делах связаны необходимостью воздержания от активного вмешательства и, поэтому ясно, что разрешение вопроса произойдет между Китаем и Японией один на один.

Для самого же Китая, захваченного японским выступлением врасплох, не имеющего союзника, внутренне не единого, обреченного на полный разгром при военном столкновении один на один, ничего иного не остается, как всецело положиться на авторитет Лиги Наций, членами которой Китай и Япония являются.

И вот, в то время, когда на полях Манджурии японские войска, разгоняя слабые китайские гарнизоны, словно по заученным нотам, молниеносными ударами, один за одним, занимали намеченные города, важнейшие опорные и исходные пункты, учреждения и склады, а местная Китайская власть, высшие чины которой, как раз, были все в отпуску или раз'езде, разлезалась по швам, в залах Лиги Наций завязалась тяжелая, упорная бескровная борьба. На одной стороне: китайский уполномоченный Др. Тце и весь совет Лиги Наций, а на другой стороне — стойкий японец Др. Иошизава, знающий, что желает его родина и как надо защищать ее интересы. Надо отметить, что в первые дни, смущенная решительным поведением японского делегата и чувствующая необычайную шекотливость дела, Лига Наций была нерешительна, в словесных формулах ища для себя почетного выхода из положения, предоставляя сторонам возможность непосредственного переговора. Но уже чрезвычайное собрание совета Лиги, созванное ультимативным требованием Китая согласно статуту, встревоженное угрозой Чан-Кай-Шека «объявить Японии войну, не останавливаясь перед банкротством страны на 50 лет» т. е. прекращением платежей по долгам своим кредиторам, переходит в энергичное наступление под руководством такого полководца, как Бриан, имея в резерве сочувствие специально приглашенного представителя САСШ. Это организованное наступление не раз, что называется, припирало к стенке японского представителя, заставляя его искать спасения в «ожидании инструкций от своего правительства». Наконец, Совет Лиги Наций вынес решительное постановление — в смысле необходимости очищения Японией занятых мест, а потом уже переговоры для улажения конфликта. Резолюция эта, принятая Советом единогласно при протесте одной Японии, не была принята последнею в смысле выполнения и вопрос на этом повис, оставшись открытым. Япония требовала предоставления возможности непосредственных переговоров с Китаем, сперва договориться по всем интересующим стороны вопросам, а потом только присугупить к очищению территории.

Таким образом прошло уже два месяца с начала конфликта, события на месте развиваются своим порядком, а в Лиге Наций, постольку, поскольку она не в состоянии применить к нарушительнице мира пункт 16-й своего статута — о посылке карательной военной экспедиции или экономической блокады, и коль скоро пожелание Совета Л. Н. не принято Японией к исполнению, вопрос ни чуточку не сдвинулся в сторону того или иного разрешения. Отсюда ясно, что самым ходом событий в улажении этого конфликта Китай и Япония фактически остались лицом к лицу, результат чего, как говорится, не оставляет сомнений.

В последние дни, обманутая японцами и не обладающая реальными возможностями Сов.-Россия стала, по слухам, демонстрировать у Манджурских границ свои силы, что дало, будто бы, Японии повод к беспокойству и... значительно расширить занятую территорию и усилить армию. Хотя, по слухам, японские войска располагаются на зимние квартиры и в занятом краю приступлено к налаживанию мирной жизни, как, например, к кормежке голодающего населения, но, все же, конфликт нельзя считать законченным.

Китайские генералы, будто-бы, взялись за ум и готовятся к объединению перед лицом отечественной опасности; то Чан-Кай-Шек грозит „хазаватом“; то китайские студенты десятками тысяч устраивают анти-японские манифестации и избивают своего министра иностранных дел; то обсуждается вопрос о призвании на трон свергнутого в 1910 году молодого императора, как могущего объединить Китай и пр.

А в это время монгольские и манджурские националисты подымают голову и, естественно, хотят использовать положение для возрождения своей утерянной государственности, освободившись из под власти Китая при помощи Японии, хотя бы ценою обеспечения ей экономического и культурного влияния.

Надо полагать, что события именно и будут развиваться в этом направлении, что, с точки зрения прямых национальных интересов Монголии и Манджурии, будет наилучшим выходом и верным способом обретения своей национальной свободы и самостоятельности. Китай же, утерявший способность к организации соб-

ственной жизни и ничего положительного не давший ни монголам, ни манджурам за время своего векового владычества, само собою разумеется, не имеет на эти народы никаких моральных прав.

Для нас, конечно, интересен вопрос — разовьются ли эти события дальше и дойдет ли дело до столкновения между Японией и СССР?... Припоминая вышеприведенные оценки о состоянии сил большевиков, надо думать, что дело до этого не дойдет, ибо большевики „не дураки“ и свои возможности, вероятно, знают.

Таким образом, эти дальневосточные события имеют для нас отдаленное, второстепенное значение; если Монголия и Манджурия из этих событий выйдут в виде самостоятельных государств, это будет для нас, вольных казаков, наглядным уроком, как народы, целые столетия жившие под властью 400,000,000 народа, при благоприятном стечении обстоятельств получают национальную свободу, если только не умерло в них чувство национального самосознания и самостоятельности

С. Балыков.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

I.

Разрешите мне вам, казаки, в других странах живущие, на ушко шепнуть... Вот как недавно один кубанец из Нового Сада по секрету мне сообщил: „У Атаманов карта битая, у самостийников, говорит, тоже битая карта-то... Да... А вот есть один человечек, если к нему сейчас обернемся он за нами и Дон и Кубань хоть на тысячу лет закрепит“...

„А кто это? — полюбопытствовал я, зная бы интересно“...

Собеседник собрал губы сердечком — Кирилл... Император...

Поглядел я на него — человек ничего, возраста среднего, лысый, пена изо рта не идет и скатерти со столов в ресторане не нарывает сдергивать.

Спросил у служащего: как, говорю, он то, а?..

— Ничего, говорит, тихий...

Понял я, да и сдрапал... Чорт его знает, а вдруг буйствовать начнет — все они тихие...

Ежегодно казаки празднуют „Войсковой Праздник“. Помнят старину и — крышка. У казаков имеется начальство: генералы, полковники, председатели и Атаманы. Они казаками правят и указывают, когда что делать нужно. А казаки их — слушают...

Они же и разные подписки открывают: на „фонды“, в „казну“ и так далее. Фондами руководят испытанные конспираторы. За одиннадцать лет уплат, казаки так и не знают точно, кто именно живет на эти деньги. Только догадываются... Начальство и „праздники“ устраивает. На Алексея — человека Божия. Чтобы подчеркнуть значение дня полностью, со всего Белграда собирают русских генералов, бывших общественных деятелей, нигде не писавших журналистов и прочих... Божьих людей.

Кроме их зовут и.. казаков.

Казаки на „празднике“ хозяева, Божьи люди — ка-лики перехожие — гости.

Поэтому казаки платят, а гости — не платят.

Гостей приглашают больше, чем хозяев. Голодных то ведь много...

Начальство и гости садятся во главе угла, хозяева, из вежливости, у выхода... Роли распределяются заранее.

Начальство: ест, пьет, говорит речи.

Гости: едят, пьют, напиваются, нажираются — едут в Ригу, говорят речи...

На вечерах обыкновенно участвуют студенты. Это молодые люди, без чинов и орденов и поэтому их сажают к выходу поближе. Их обязанности — слушать речи, кричать ура, плясать, петь и, вообще, увеселять начальство и высоких гостей. Студенты — тоже платят.

У начальства имеется полковник — он махает рукой, когда надо кричать ура, провозглашает тосты за начальство, за присутствующих дам и организует восторг в душах казаков и студентов по адресу гостей и начальников. Идей он разных. Вообще же — душа общества.

Кроме того, он — политик, он голова и мозг...

Поэтому начальство в сих качествах не нуждается...

Есть и еще дела-делишки... Привезли казаки с Дона Кадетский Корпус. Володел им генерал Бабкин. Серчал, элился, дошел до того, что кадет в тюрьмы сажать начал. Скандал. Паника. Тревога. Сменили его. А у донцов, как известно, свое начальство, а у начальства — связи.

Разные связи бывают. Например — родственные.

И посадили в корпус другого генерала. Фамилия — на тощак не выговоришь — коренная, донская фамилия... Приехал и сразу же:

— Н-ня дам... н-ни туды, н-ни сюды...

И действительно, „н-ни туды, н-ни сюды“...

Надел кадет шаровары с лампасами — в карцер. Запел гимн — запретил. И над входом изобразил: „2-ой Русский Донской Корпус“. Ну, не генерал, а конфетка. Обратился к нему через его же родного племянничка (протекция) один бывший кадет за корпусным значком. И денег сколько надо, говорит, даю, — не тут то было...

— Н-ня дам, он — самостийник...

— Да корпус то донской?

— Донской.

— А кадет — казак?

— Казак!

— А значка н-ня дам!..

Конечно, по правилам, генерал значка не имел права не дать... Но ведь есть люди, для которых ни правила, ни законы не писаны.

И люди эти — наше начальство. И со связями. Родственными!

А какого чорта, спрашивается, и чем родственнички думали, когда таких вот „директорами“ сажали... А?.. Переть их надо... И в шею!..

В всех!..

Сенсация в „Р. К.“

В последнем номере „Р. К.“ сенсация. Сам он уже явно начал „испускать дух“... И вдруг!

Словом, в номере 10—11 читаем нечто новое: говорится покушение на ген. Богаевского.

Не знаем, шутка ли это чья, или действительно ген. Богаевский стоит кому поперек дороги так, что нужно прибегать и к средствам сильнодействующим, но... весь „раздел 4“ обращения „От Донского атамана“ в последнем номере „Р. К.“ не производит впечатления серьезного. В самом деле, ведь и сам ген. Богаевский говорит, что письмо анонимное, „явно, что эти подписи вымышленные“... „Скорее всего анонимка является произведением отдельных лиц“... Одним словом, с самым важным „обстоятельством“ во всем этом „происшествии“ дело совершенно неясное. И — трудно воздержаться, чтобы не вспомнить рассказа Чехова о „восторге“ одного захудалого обывателя одного захудалого уездного городишки, неожиданно „попавшего в газеты“ по случаю того, что его не то переехали, не то просто оглоблей ударило на улице...

Ген. Богаевский воспользовался письмом-анонимкой (содержание его читателю „Р. К.“ неизвестно), чтобы переадресовать намерения „анонимщиков“ самостийникам, что и заставляет нас (и только это!) братья за перо, чтобы знать сметь и свое суждение иметь по затронутым им вопросам.

Прежде всего — первый раз слышим о существовании (если они существуют!) „ватаги зипунных рыцарей“, да и еще с'езжавшейся в Вене. Если бы не это последнее обстоятельство, то еще можно было бы допустить, что где нибудь в эмигрантском Пошехонье и могла от безделья придти кому в голову мысль об „учреждении“ такой „ватаги“. Но — уже и с'езд! да еще в Вене (на территории Австрии, поскольку мы знаем, нет ни одного казака). Ведь и сам ген. Богаевский не верит, что она существует...

Но по одному вопросу, затронутому „зипунными рыцарями“ и ген. Богаевским будем говорить серьезно. Это — о терроре. Это тема для казаков совершенно новая.

До сих пор казаки террором в политической борьбе за свои идеалы не пользовались. Напротив, объектами чужого террора казаки были: их, напр., убивали и вешали единонеделимцы за то, что они, казаки, не разделяли их взглядов и убеждений. А единонеделимцы из казаков такому террору помогали. Так, напр., ген. Деникин, раньше чем учинить насилие над Кубанскою Радою и вешать кубанских народных избранников, получил от ген. Богаевского и г. В. А. Харламова (тогда В. Атамана и председателя В. Круга) заверения в донском „нейтралитете“, „благожелательном“ в сторону Добрармии при столкновении ее с Кубанью. То был действительно террор и Вы тогда, господин генерал, не боялись, а теперь анонимки испугались!

Повторяем: казаки террором до сих пор не поль-

зовались. Вопрос о терроре у казаков еще ни разу не поднимался, поэтому никто по нему до сих пор и не высказывался. Просто никому не приходило и в голову затрагивать его. Но, раз вопрос поставлен, позволим себе высказаться по нему раз и навсегда:

У нас, казаков, этого „обычая“ не было. Надо, чтобы не было его ни теперь, ни в будущем. Мы, В. К., решительно отвергаем этот способ „полемики“ казаков с казаками.

В частности, что касается ген. Богаевского, то пусть он в адрес самостийников не беспокоится: для них наибольшим удовлетворением будет не убийство ген. Богаевского, а суд освобожденного Донского Казачества на своем В. Круге над ген. Богаевским. Суд — там. А мы попробуем сделать только одно: чтобы в составе того Круга большинство принадлежало самостийникам.

Еще меньше желания и намерений у самостийников убивать помощника ген. Богаевского г. Н. М. Мельникова. Он и без того со своим „Р. К.“ помирает „тихой смертью“. „Р. К.“ из ежемесячника обратился в двухмесячник, интерес к нему со стороны казаков пал совершенно. Скоро он будет выходить раз в три месяца, а потом... Так и отойдут они тихо и мирно, в небытие за ненужностью. Нас это „устраивает“ совершенно.

Вот на этом месте нам и лезет в голову назойливая мысль: а не выдумали ли все это господа из „Р. К.“ для „оживления“ к себе интереса?

Ген. Богаевский плачется, что самостийники преследуют его „возбуждением злобы и ненависти“, „натравливанием“ и пр. Заявляем: осточертела нам эта полемика с ген. Богаевским хуже горькой редьки. Но ведь полемику эту не мы начинаем. Напротив, мы будем весьма рады если ген. Богаевский оставит нас в покое. У нас есть темы и работа гораздо более интересные. Признаемся, что и в этом месте нас гложет червь сомнения на счет искренности ген. Богаевского. Ведь только посмотрите: он жалуется на самостийников, что на него нападают, а сам все время первый „задирает“. Нам кажется, что делает он это намеренно. Оно и понятно: ведь он себе иначе „работы“ не найдет, это раз, а второе — без нашей с ним „полемики“ — кто бы когда о нем вспомнил?

„Задирая“ самостийников на сей раз, ген. Богаевский позволяет себе в их адрес вещи в сто раз худшие, чем то, за что он сам жалуется на самостийников. Уже не первый раз он пытается, говоря о самостийниках, „кивать“ в сторону большевиков: „подобно тому, как это делали большевики“... „сказалось разлагающее влияние наших общих противников“... Это такая нелепость, такая очевидная для всех несуразность, что иначе как к провокации, отнести к ней нельзя. Мы считаем ниже своего достоинства вступать на этом месте в какую бы то ни было полемику с ген. Богаевским сейчас или в будущем, — генерал Богаевский не принадлежит к числу честных противников.

Казаки!

Генерал Богаевский призывает (см. „Возрождение“ от 9 сего нояб.) памятовать о России. „Вера в Россию и любовь к ней должны руководить нашей мыслью и напречь наши силы к жертвенной ей помощи, в едином устремлении с самим русским народом“.

Мы призываем вас памятовать о Казачестве. Вера в Казачество и любовь к нему должны руководить нашей мыслью и напречь наши силы к жертвенной ему помощи, в едином устремлении со всем Казачеством.

Об организации вольных казаков на местах.

К нам обращаются вольные казаки с мест с просьбой указать, как им организовать в свои вольноказачьи организации. Так как казачья эмиграция разбросана сейчас по разным странам, в которых надо считаться с разными законами и разными требованиями местной администрации, то невозможно дать пока одно общее для всех стран и случаев положение об организации в. к. на местах. Приходится считаться и с тем, что не везде, в силу местных условий, возможно создание легальной вольноказачьей организации. В силу всего этого, мы можем предложить в данном случае лишь немногие и весьма общие положения, которые могут войти в статут в. к. организации в каждом отдельном случае, предоставляя самим в. к. дополнять недостающее применительно к местной обстановке и своим желаниям.

Общие же для всех в. к. организаций на местах пункты можно формулировать так:

1. Для объединения в. к. в одну вольноказачью семью, для сохранения в неприкосновенности казачьих национальных, моральных особенностей, бытовых традиций, для взаимных информаций, материальной поддержки членов в необходимых случаях и для поддержания систематической, живой связи с Вольноказачьим центром, казачьи группы на местах образуют свои местные организации.

Группа из 10 человек и меньше образует „вольноказачий курень“, группа из 20 человек и меньше образует „вольноказачий хутор“, а от 20 человек и выше „вольноказачью станицу“.

От доселе существовавших казачьих станиц и хуторов эти вольноказачьи организации должны отличаться политически однородным составом. Эти вольноказачьи курени, хутора и станицы должны состоять исключительно из лиц, открыто исповедующих идею казачьей государственной самостоятельности и готовых в нужных случаях активно поддерживать эту идею.

2. В число равноправных членов вольноказачьих организаций принимаются казаки и казачки всех казачьих Войск, калмыки всех племен и вообще уроженцы Казачьих Земель обоюго пола, принимающие только что приведенный п.1.

3. Все члены станицы, хутора или куреня, в качестве гражданской повинности платят в кассу своей организации установленный общим собранием станицы, хутора или куреня членский взнос. Общим же собранием станицы, хутора или куреня устанавливаются и правила расходования правлением средств из организационной кассы.

4. Вольноказачьи курени, хутора и станицы, согласно неизбежной казачьей традиции, управляются ата-

манами, избранными общим собранием членов, образующих данную организацию, сроком на один год; в помощь к атаману избираются одновременно с ним же один помощник и писарь. Казначей избирается особо, или обязанности его поручаются помощнику атамана или писарию.

5. Через каждые два месяца правление обязано давать общему собранию отчет о состоянии кассы и текущую информацию о жизни как станицы, так и вообще о казачьей эмиграции, о вольноказачьем движении и о положении Казачества под большевиками.

6. Об образовании куреня, хутора или станицы избранное правление немедленно сообщает в вольноказачий центр, с приложением по возможности поименного списка всех членов станицы, с указанием возраста, профессии и Войска.

7. В случаях выбытия члена из данной организации, правление сообщает об этом туда же с указанием — вовсе ли он выбыл из вольноказачьей организации или только перечислился по другой организации, вследствие перемены местожительства.

8. Все вольноказачьи курени, хутора или станицы, где это представляется возможным, существуют легально, с разрешения местной власти, а где это встречается те или иные затруднения — существуют конспиративно, лишь зарегистрировавшись в вольноказачьем центре.

9. Предварительный прием новых членов в организацию производит правление. Окончательное решение о приеме принадлежит общему собранию данной организации.

10. Исключение из организации производится общим собранием по мотивированному ходатайству правления или отдельных членов организации. Член организации, переехавший на другое место, хотя бы и не подавший заявления об уходе, все равно исключается из организации. Отступление из этого правила может быть сделано только для тех членов, которые, за отсутствием на новом месте вольноказачьей организации, выразят пожелание состоять в старой организации и нести все обязанности члена организации, чтобы пользоваться их правами.

11. Все члены в. к. организации, объединенные одной вольноказачьей идеей, обязаны вести где только возможно непрерывную пропаганду в пользу своего движения.

12. Правление обязано держать правильную связь с вольноказачьим центром, выписывать вольноказачью прессу и получать из центра те или иные указания (не вступающиеся, конечно, во внутреннюю жизнь организации).

Казачья эмиграция.

На докладе Ш. Балинова в Париже.

(Окончание).

— Полк. Жуков говорит, что „противники вольных казаков постоянно любят говорить, что у вас нет союзников, что ваша Идея неосуществима, и говорят таким тоном, как будто у них уже что-то есть свое готовое, реальное, легко осуществимое. Я спрашиваю, а у вас, единомышленцев, есть союзники, есть реальное дело? Да, на путях В. К. есть большие трудности, которых вольные казаки никогда не скрывали и не скрывают. А у вас, единомышленцы, этих трудностей нет? Если говорите нам, что наше дело нереальное, то покажите свое реальное дело! Тогда, может быть, и мы станем задумываться. Но у вас этого реального дела нет и быть не может, ибо дело В. К. гораздо реальнее, чем дело „единой, неделимой“... Здесь говорили об утраченной вере и что, мол, вера без дела — мертва есть. Верно, но также верно, что и дело без веры в сто раз хуже, ибо всякое дело должно быть

одухотворено верою, идеей живой. Как раз таким одухотворенным пламенной верою и живой идеей делом является дело В. К., почему оно много раз реальнее, чем дело наших противников. Также упрекали здесь, что у В. К. за четыре года работы нет никаких реальных достижений. А я спрашиваю вас: те „великие мужи“ облеченные высокими титулами, „преемственной властью“, снабженные и распоряжающиеся большими средствами, к которым („великим мужам“) обращен ваш духовный взор, вот эти большие люди за эти 12 лет своей работы создали чтонибудь реальное, родили какуюнибудь привлекательную для народа живую идею, подготовили почву на путях достижения своей цели? Ничего не сделали, ничего нет! А В. К. работает всего какихнибудь неполных четыре года, работают там не „большие“ люди, а наши братья и имеют уже осязаемые реальные результаты... Быкадоров здесь говорил, что в 1917 году был момент, когда Каз-во имело возможность захватить власть во всей России, когда оно могло ввести всюду свои казачьи порядки, но, мол,

упустили момент. Может в истории быть такой благоприятный, всередающий момент? Может! И такой момент может наступить и в нашем деле. И нам нужно быть во всеоружии, быть готовым к разумному использованию подобных „благоприятных“ моментов для своей высшей цели! Также говорили, что у нас нет союзников. Это — неверно. Они есть, но только не на Севере! Но лучший и вернейший наш союзник, это — мы сами и наша история, о которой нам говорил сегодня докладчик. В этом своем прошлом, в своей истории мы должны черпать моральную силу для борьбы за свое лучшее будущее, за свое высшее казачье право — за казачью государственную независимость!

— Киктев, под шумные аплодисменты всего зала, отвечает Быкадорову. „Нужно обратить свое особое внимание, — говорит он, — на выступление Быкадорова, который сегодня говорил нам, что он отошел от В. К. и вот уже полтора года сидит под кустом в стороне, потому, видите ли, что у него вдруг вера умерла... Вместе с тем он обращался к нам, чтобы мы действовали, объединялись, если у нас есть вера, а когда мы объединимся, когда наше дело запохожится, то тогда он, Быкадоров, снова присоединится к этому делу, приплетется к нам... Как раз об этом нашем несчастье я и говорил вам давеча: наши „вожди“ при неудаче от нас отворачиваются, а при удаче прибегают к нам! Наш атаман на Черноморском побережье нас бросил и укатил в Константинополь, а когда мы в Крыму снова организовались, снова прилетел к нам, я, мол, ваш атаман... Сегодняшнее заявление Быкадорова доставило моему казачьему сердцу сильную боль, встревожило мои старые душевные раны... Это стыд, это срам! Я также протестую против утверждения Быкадорова, что в 1917 году Каз-во целиком добровольно восприняло большевизм. Это — неправда! Наше маленькое Астраханское Войско ни одного дня не признавало большевиков, мы не признали даже Вр. Правительство! Не признав большевиков, мы не сидели сложа руки, а с напряжением всех своих сил с оружием в руках боролись с ними. В этой борьбе мы пожертвовали своим Атаманом! Мы не склонили своей казачьей головы перед красным Хамом, а с оружием в руках отступили. Но и отступая, потеряв всего 106 казаков, мы побили 16 тысяч красных! Каждая казачья жизнь обошлась большевикам слишком дорого! А здесь нам говорят, что казаки добровольно восприняли большевизм. Это оскорбление Казачества! Мне стыдно за это...

— Трофимов также говорит по поводу выступления Быкадорова. „Он говорил нам сегодня об утраченной вере, что он, Быкадоров, перестал верить в возможность осуществления идеи Казакии. Когда он писал свою „Историю Казачества“, тогда, мне думается, у него этой веры было больше, чем у когонибудь из нас. А вот теперь у него эта вера погасла. Почему? Не знаю, причин искать не буду. Их может быть много. Вот интересна его новая концепция, новый путь, в который, надо думать, он сейчас уверовал — единство Казачества в составе сильного могучего государства, разумеется, России. Другими словами — путь „единонеделимцев“. От ясной и определенной позиции к более неясной и туманной. И вот я спрашиваю, какой для нас смысл возвращаться к прошлому, к тому давно пройденному пути, принесшему много несчастий, бедствий Каз-ву? Возвращаться к положению 1671 г., когда Казачество, в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств, вынуждено было присягнуть Москве, войти в состав „сильного, могучего государства“. Начинать снова сказку про белого бычка? Это, ведь, путь рабства, путь потери казачьей славы, вольности. Надо понять, что если состоять в составе какого либо государства — это значит участвовать в борьбе за увеличение мощи этой „матери“, это значит утратить свое лицо, подчинить свои интересы чужим, кровь свою проливать за что-то отдаленное, а не за свое близкое, родное. Кровь все равно прольется. Значит нам надо выяснить для себя вопрос: за что нам лучше и выгоднее кровь свою проливать — за свое ли родное, близкое, или за чужое, далекое? За самостоятельность и свободу или за рабство и деспотию? Я считаю — лучше ее лить за свое родное, за самостоятельность и

свободу. Здесь говорили, что у самостийников нет друзей, союзников. Я не знаю — есть ли они сейчас или нет, но считаю — они должны быть. И украинцы и горцы, по соображениям своей выгоды, должны быть нашими союзниками. Но я спрашиваю — а с русскими возможен искренний союз? Думается, что нет! Ибо русским не мы, живые казаки, нужны, а нужны те богатства, какие имеются в наших Краях, что хранятся на и под нашей землей. Если бы наши земли представляли из себя голые песчаные степи, то, будьте покойны, русские с радостью, и руками и ногами благословили бы казачью самостоятельность и сказали бы — добрый час, скатертью дорога... Но наши Края богаты, а потому „самостийность вредна казакам“, именно поэтому русские воспылали к нам „братской любовью“... Я считаю, что наши богатства понадобятся и нам самим, а этими своими богатствами мы можем пользоваться только при самостоятельности. Поэтому наша святая обязанность — бороться за свою государственную независимость, за право пользоваться своими богатствами, за право жить на своей земле так, как мы сами желаем...

Затем председательствующий Трофимов, за поздним временем, просит отказаться от выступлений следующих записавшихся и представляет слово докладчику.

Балинов. — Время позднее, прения затянулись, аудитория утомилась. Поэтому, я постараюсь как можно кратко ответить здесь выступавшим. Отмечу сначала только одно: все выступавшие отметили, что доклад обстоятельный, основан на исторических фактах, лишь некоторые (например, Гладков) из этих исторических фактов хотели делать не тот вывод, какой делаем мы, вольные казаки. А затем, не высказываясь по существу доклада, стали говорить на более „больную“ тему: как быть дальше? что нужно делать для будущего?

Я понимаю ст. Киктева. Его казачье сердце бурлит, кровь кипит, он хочет идти вперед, „стучаться“. Прекрасно! Порыв благородный! Именно для того, чтобы двигаться вперед, усилить наш будущий общий „стук“ я и делал свое сегодняшнее сообщение, ибо опора на свое прошлое дает силу нашему настоящему. Я всячески готов „стучать“ вместе с вами, но я считаю, что наш „стук“ может быть услышан только тогда, когда мы, с помощью свободного казачьего слова, сумеем доказать миру — чем мы были в прошлом, чем стали в настоящем и чем хотим быть в будущем. Сейчас самым реальнейшим для нас делом является наше живое слово. Здесь сегодня указывали на пример освобождения Чешского народа, указывали на работу Масарика. Я лишь могу сказать, что, к несчастью, у нас еще нет своих Масариков. Кроме того, у Масарика было несколько поколений выдающихся предшественников, прекрасно подготовивших „почву“, чего у нас, к сожалению, нет. И на этой, уже достаточно удобренной почве развили свою работу Масарик и его сотрудники, они использовали удобный момент (война) и чехословацкий народ добился своего освобождения. А оружием этих людей вначале были не винтовки, а живое слово. Они раз'езжали по всем большим столицам мира, читали лекции о чешском народе, о его стремлении, на всех языках, устраивали большие политические митинги, чем доказали миру — что такое чехословацкий народ, чего он добивается, вызвали к себе сочувствие мира, а когда наступил благоприятный момент, об использовании чего сегодня говорил ст. Казанков, они легко и использовали его на радость и счастье своего народа...

Относительно поправки Якименко одной исторической неточности в моем докладе. Я совсем не спорю с ним. Я и не говорил, что Запорожцы отказали Булавину в помощи, а лишь говорил, что они свою помощь обусловили, точнее запоздали со своей помощью...

Относительно выступления полк. Жукова. Он, всецело соглашаясь со мной, лишь дополнил меня, ответил на вопрос, который интересует ст. Киктева, да не только его, но и всех нас. Я могу быть только благодарен за его выступление и обеими руками подписываюсь под его словами.

Выступавший здесь русский ген. Веселовск, не-

сомнено, противник ВК, был настолько корректен, что не произнес ни одного слова против ВК. М. б. он учел настроение аудитории? Я совсем не хочу спорить с ним, что многие государства строились на человеческих негатах. Лишь скажу, что на этом основании нам нельзя отказывать в праве на самостоятельную жизнь...

Гораздо „сложнее“ выступление ген. Быкадорова, приведенное в такой восторг нашего постоянного оппонента Гладкова. Это выступление соответственно оценено всей аудиторией, каковая оценка ярко выразилась в словах Киктева, который со всем пылом угнетенного в самых лучших своих чувствах казака горячо ответил ему. Мне лично трудно отвечать Быкадорову, как человеку, с которым я много лет работал вместе и был с ним в близких, приятельских отношениях, но вместе с тем очень легко ему отвечать, а признаться и отвечать не хочется. Что делать, если у человека вдруг вера погасла? Это — несчастье, поправить которое чрезвычайно трудно. Скажу лишь, что всего полтора года назад у него этой веры было столько, хоть отбавляй. За это время решительно ничего не изменилось (в неблагоприятном для В. К. смысле) — ни во внутреннем положении Казачества, ни во внешнем мире. Можно сказать, что случилось даже обратное — как будто назревают такие события, которые способны нас приблизить к нашей цели. А вот у Быкадорова вера погасла. Какие причины — не знаю... (Быкадоров с места: узнаете!). Всего полтора года назад он писал свой прекрасный поэтический призыв к казакам „Внукам“, живым казачим словом зажигая сердца казаков, когда его душа пела в унисон со всей казачьей народной массой; всего полтора года назад он выпустил свою „Историю Казачества“, которая фактами казачьей истории воскрешала в казачьих душах Идею независимости Казачества, а вот теперь — вера потухла... Отсутствие веры — тяжелое несчастье. Всего полтора года назад он пламенно верил в Идею Казакки и прямо шел к ясной и определенной цели, а теперь — утратил веру и пошел зигзагообразными путями к неясной, расплывчатой цели — к „сильному, мощному государству“... В этих скачках, господа, наше несчастье! Именно эти „скачки“ и являются главной причиной того, что казаки перестали верить в своих „вождей“, ибо этим „вождям“ вообще свойственны иногда такие „скачки“, что трудно за ними поспевать. Об этих же „скачках“ сегодня с такой душевной болью и так хорошо говорил станицник Киктев!

Отвечу еще на два утверждения Быкадорова: что В. К-вом за 4 года не достигну никаких реальных результатов и что у В. К. нет союзников.

В. К. ничего не сделало... На это уже хорошо ответил полк. Жуков. Я от себя лишь скажу, что это — не верно. Ограничусь фактами. В журнале „ВК“ сосредоточены все молодые пишущие казаки. В каком другом казачьем журнале вы найдете столько имен, при том молодых? Четыре года тому назад казаков знали только как „дарских опричников“, а теперь, в результате четырех-летней работы В. К. — во всех уголках Европы и мира, знают, кто такие казаки, подлинные вольные казаки, Казачество. 3 года тому назад в Париже вольный казак являлся пугалом, от него убегали, как чорт от ладона, о В. К. нельзя было говорить. А теперь — вольные казаки устраивают многолюдные публичные собрания, открыто и смело говорят о своей положительной программе. Только на днях я, по приглашению „Союза вольных казаков в Лионе“, в котором состоят до 200 молодых, идейных казаков, ездил туда читать публичный доклад. А три года тому назад там вольных казаков выбрасывали за дверь из казачьих организаций. Теперь эти „выбрасователи“ смиренно приходят на вольно-казачьи собрания и тихо садятся в задних рядах. Оттуда, по приглашению, ездил читать доклад в Южин, где раньше вольный казак являлся „белой вороной“. Теперь там даже французы узнали — что такое вольные казаки и просят давать им вольно-казачью литературу на французском языке. Раньше французы при слове казак, спрашивались в своих словарях и читали: „казак — бандит“, „атаман — главарь шайки бандитов“. А теперь говорят „ле козак либр“, „ле козак сепаратист“. По приглашению же,

ездил и в Парей-ле-Монналь делать сообщение о В. К. Одним словом, рост и развитие В. К. движения — факт не оспоримый. И все это прямой результат четырех-летней работы, В. К., и эти осязательные результаты В. К. совершенно неожиданно привели Быкадорова к поразительному выводу — к потере веры...

Также не верно, что у В. К. нет союзников. М. б. когда был Быкадоров, он и не находил союзников... Вообще внешнюю работу, само собой разумеется, ведет центр В. К. в Праге. Я за него не буду говорить, а буду говорить только за то, что имеется во Франции. Тот же „Союз вольных казаков в Лионе“ установил хорошие взаимоотношения с украинцами, горскими и др. организациями, отношения вполне дружеские, союзные. Лично я часто встречаюсь с украинцами, горцами, туркестанцами и др. в Париже. Конечно, „никаких официальных переговоров я ни с кем не веду, договоров не заключаю, но их принципиальное отношение к В. К. знаю. Все говорят, что они приветствуют казачьих самостоятельных, ибо им гораздо выгоднее иметь соседом самостоятельное и дружественное им Казачество, чем большую и враждебную к ним Россию, что для них главнейший враг — русский централизм, что является и опасностью для казаков. Правда, они говорят что у вас вольных казаков, большие аппетиты на счет границ, но это вопрос разрешимый путем соглашения, т. к. мы хотим только свое, казачье...

Вот все эти весьма реальные результаты, достижения В. К. укрепляют нашу веру в то, что мы стоим на единственно, правильном пути, хотя они у Быкадорова способствовали потере веры.

Вольные казаки верят в осуществимость идеи казачьей независимости, в идею Казакки и устами молодого казачьего инженера, В. И. Бейсуга, говорят:

— Попытаемся, — говорит пчела, и делает из цветочной пыли мед. Попытаемся, — говорит пчел, и взбирается на вершины деревьев. Попытаемся, — говорит тшедушная роза, и наполняет своим благоуханием все окружающее. Попытаемся, — говорит паук, и оплетает целые дворцы, палаты и башни. Попытаемся — говорит полип корала, и из пучины океана поднимает и возводит целые острова. Попытаемся, — должны сказать и мы, чтобы поднять лежащее, пробудить дремлющее и дать расцвет всему могуществу Казачьих Земель. Сила соломом ломит. Смелость — города берет. Разум — мосты строит. Сила, смелость и разум — все сделают. Соединится ли сила наших Земель с американской предприимчивостью, да разумной смелостью, — быть им хоть меньше, да второй Америкой!

Мы хотим, чтобы казаки культурно развивались, просветились; мы хотим, чтобы засвистели и завывали трубы наших фабрик и заводов; заскрипели подъемные краны в наших казачьих портах; зашипели моторы, зазвонили котлы на казачьих фабриках; загудели казачьи пароходы по нашим рекам; чтобы наша казачья черноземь разрыхлялась тысячами тракторов и давала обильный, удвоенный, утроенный урожай, чтобы наши тракторы развозили наш казачий хлеб к своим казачьим портам, чтобы наша казачья нефть лилась по новым и новым проводам; чтобы казачья степь зазеленела, чтобы казачья песня не ней звонко раздавалась, чтобы лица казачек светом и счастьем озарились. Мы хотим взлета казачьей славы, мы хотим расцвета казачьей хозяйственно-экономической мощи. Мы хотим, чтобы все творилось казачьими руками, управлялось казачьим разумом, шло на пользу и благо казакам, без всяких посторонних опекунов, без чужих указок и помываний.

Хотят ли этого наши противники? Думают ли они, что все это возможно только тогда, когда казаки низко склонят свою голову перед „мощным, сильным государством“? Мы не хотим, чтобы Казачество гнуло свою шею перед кем бы то ни было! Мы хотим, чтобы Казачество само себе было хозяином!

Но мы не хотим, чтобы всему этому казаки верили вслепую. Мы хотим, чтобы казаки сами духовно и политически прозрели. Мы хотим, чтобы они научились понимать свои кровные интересы и научились их достойно защищать. Мы зовем казаков, чтобы они изучали свое прошлое, свои экономические и хозяйственные возможности, поняли — почему так „возлюбили“

нас русские, о чем говорил сегодня атаман Дон. станицы Трофимов. Мы хотим, чтобы казаки к вопросам казачьего бытия относились сознательно, со знанием дела, а не слепо верили „начальству“, беспрекословно слушали только его, как этого требуют от казаков некоторые казаки „ножди“ в эмиграции.

Мы хотим, чтобы казаки духовно и политически прозрели, проснулись, чтобы они постоянно шевелили своими мозгами, поняли разумом свои подлинные политические и экономические интересы. Мы хотим, чтобы все казаки с открытыми глазами, с ясной мыслью, с холодным разумом и с казачьей решимостью и смелостью защищали и отстаивали свои жизненные интересы, свое высшее право — Казачью независимость!..

После этого председателе собрания Трофимов благодарит докладчика за его обстоятельный доклад и закрывает собрание.

(Соб. кор.)

От редакции. Самый доклад Ш. Балинова будет напечатан в журнале „В. К.“ позже.

Из жизни „Союза Вольных Казаков“ в Лионе.

Невозможное стало возможным... Именно, образовавшийся в городе Лионе „Союз Вольных Казаков“ (сепаратистов) официально утвержден Французским Правительством. Правительственный официальный вестник „Journal officiel de la Republique Francaise“ за № 253 (от 29 октября 1931 года) извещает (на стран. II, 364 отделе „declaration d'associations“) о том, что 24 октября 1931 года состоялось утверждение устава „Union de Cosaques Libres [separatistes]“ — казачьей организации, имеющей своей целью — защиту своих идей (conservation de leurs idées).

Некоторые §§ устава:

§ 1. „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе есть организация казаков националистов, ставящая себе целью — сохранение казачьего единства, защиту казачьих прав, подробное изучение истории Казачества и пробуждение Казачьего самосознания путем устройства докладов и лекций.

§ 2. „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе — полностью принимает программу национально-казачьего движения — „Вольное Казачество“, как-то: восстановление независимого, самостоятельного Казачьего Государства — Казакии, в ее географических границах, кои заключают в себе: Донское, Кубанское, Терское, Яицкое, Оренбургское, Астраханское и Калмыцкое казачьи Войска.

§ 3. Примечание 1-е: Членами „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ в Лионе не могут состоять казаки и казачки коммунистических убеждений.

§ 4. (Часть специальная) „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе, подчиняется французским государственным законам.

25 октября с. г. „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе устроил торжественное празднование дня Покрова Пресвятой Богородицы — старинного Войскового Праздника, в своем собственном большом помещении. На празднике присутствовали свыше 150 казаков и казачек.

Ровно в 3 с половиной часа дня началось торжество празднования вступительной речью предс. „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ С. С. Настоящева, после чего были оглашены приветственные поздравления (почто-телеграммы и письма) из различных мест расселения казаков (Парижа, Нанси, Южина, Бордо, Нанта, Праги, Варшавы, Бухареста, Брюсселя и т. д.).

Сильнейшее впечатление произвело на собравшихся казаков письменное приветствие от Атамана Донской казачьей станицы в Париже есаула А. М. Трофимова следующего содержания:

Вольным казакам г. Лиона.

От имени Донской Парижской станицы взаимно поздравляю Вас, вольные казаки г. Лиона, с высокоторжественным днем Покрова Пресвятой Богородицы — Всеказачьим старинным праздником. Шлю самые лучшие пожелания — провести хоть этот день вместе, дружной семьей; вспомнить былое наших станиц, пере-

нестись на миг в обстановку героических походов, где „картечь визжала“, где кровь казачья лилась, где шашки сверкали „в бою под градом раскаленным“, где под ударом казачьим валялось все, что было против, и где незнанием самих погубили себя.

Расскажите друг другу про жизнь казаков в в песнях прославьте Его. Узнайте Казачество, любите Его! Узнав, полюбивши — твердо решайте везде и всюду защищать Его. Знайте, что вы не одни. Повсюду, куда ни взгляните, есть наши собратья по мысли. Трудно нам, пока что, но духом не падайте. „Чаше равныйсь, грудью подайсь!“ Докажем, что мы казаки и нам не страшно, что Великой Москвой в нашей среде сеялось семя веками — семя покорности и рабства, что корни в земле глубоко“, что „вырубив лес топором, зло вырвать не легко“. Знаем. Но, наперекор судьбе, на счастье нашим краям, зреть наше Вольноказачье племя, „путь твой широк впереди!“ Далек, труден и тернист наш путь, но зовет старины седой, зов Атаманов — былых удалцов, сотни героических знамен зовут к себе на единый круг; зовут на подвиг длительнейший; зовут на борьбу за родину, свободу и честь казака; зовут к созданию мощного, свободного союза Казачьих войск — Казакии — и в нем казачьего житья.

Верьте, что рано или поздно, но пробьет тот час, когда знамя казачьего народа вновь гордо взвовется над нашей землей; когда звон колокольный гулким эхом возвестит, что Казачество наше свободно от Московского красного ига; когда ковыльные волны с приветом поклонятся вам, когда в полях по колосьям зреющих нив, вот так... нежно, шорохом весть пролетит: Слава вольным, слава казакам! Когда тихий ветерок с бережка на горку, из буерака на курган, по заточинам, по плесам, по прогалинам лесным, по садам и степям, из станицы в хутора пролетит и везде возвестит: слава, слава вольным казакам!

Атаман станицы А. Трофимов. Париж 10 окт. 1931 г.

С приветственными речами в адрес „Союза Вольных Казаков“ г. Лиона выступили: есаул Т. К. Хоруженко от имени редакций журн. „Вольное Казачество“ и „Ковыльные Волны“; полковник Таран от имени — „Украинской Громады“, „Объединения комбатантов Украинской Армии“, „Украинской самопросвиту“ и „Клуба б. военнослужащих УНР“ в г. Лионе и г-н Баранкин от имени „Союза Калмыцкой национальной молодежи“ в г. Десине.

Следующим выступлением явился доклад А. К. Ленинова (предст. жур. „В. К.“) на тему „Значение дня Покрова Пресвятой Богородицы“ для казаков в национально-историческом и политическом значениях.

По окончании официальной части всеми присутствующими были пропеты Войсковые гимны Дона, Кубани, Терека, а равно и Украины, после чего состоялось музыкально-вокальное отделение: пение г. Попель, декламация м. Хоруженко, г. Сотников характерные танцы (в формах), Бельченков — казачек, г. Хоруженко, Сухоруков, Крикнов, Алагов (лезгинка), м. Лориончук, Ковальчук, г. Лориончук, Остаец (украинские народные танцы) и г. Книшин (гопак).

Нужно указать, что украинская балетная группа, руководимая г-м Лориончуком преподавала вольным казакам шедевр хореографического искусства и остается лишь пожалеть о том, что по техническим обстоятельствам, г-н Лориончук не мог продемонстрировать свой знаменитый коронный номер „Танец Запорожских казаков“ в жупанах с саблями.

Торжество дня празднования Покрова Пресвятой Богородицы устроенное „Союзом Вольных Казаков в Лионе“ закончилось общими танцами, во время коих играл струнный оркестр (вольные казаки и украинцы) под управлением г-на Бовы.

8 ноября состоялось общее собрание „Союза Вольных Казаков в г. Лионе“, на котором было принято несколько десятков новых членов, согласно поданным заявлениям; помимо этого общее собрание Союза решило выступить с особою декларацией и подать такую в Лигу Наций, отпечатав ее на русском, француз-

ском и английском языках для распространения, как среди казачьей эмиграции, так и, главным образом, среди иностранцев. Текст обращения следующий:

„Декларация Союза Вольных Казаков в г. Лионе“:

Мы, „Союз Вольных Казаков“ в гор. Лионе в 11-ю страдную годовщину пребывания Казачества под ненавистным игом красных хамов-большевиков, не можем остаться безучастными к мольбам наших братьев казаков еще пребывающих на родной казачьей земле.

Единое казачье тело раскромсано руками большевиков на несколько частей, упрозднено самое имя — казак, расстрелы, тюрьмы, принудительные работы на Соловецкой каторге, шахтах Донецкого каменноугольного бассейна и безконечных тундрах Сибири, разрушение казачьего хозяйства, гнусные насилия над женщинами, выселение из казачьих краев в центральные губернии Великокорсии — вот удел наших несчастных братьев, страдающих в Казакии...

Казачество гибнет, но если мы — казаки, найдем себе силы энергии и упорство, то тогда еще не все будет потеряно. Мы, вольные казаки за свою казачью свободу, за свою казачью государственную самостоятельность будем бороться сами, но и несмотря на это необходимо считаться с международной конъюнктурой, как в настоящем, так и в будущем, ибо от этого зависит или окончательная гибель или полнейшее воскресение Казачества, а потому, ведя интенсивную работу среди иностранцев, можно рассчитывать, что высококультурное и просвещенное общество не останется безучастным к тем мукам и страданиям, каковые испытывает Казачество от руки большевиков.

Братья казаки, теснее смыкайте ряды, „стремя о стремя, локоть о локоть“, в этом кроется залог успеха нашего казачьего дела. Памятуя все, что сделали большевики в отношении Казачества, в сей день, в сей час шлем свое казачье проклятие им! большевикам:

„Наш девиз — Казачья Воля,
Казакия — наша цель“.

Именем майдана „Союза Вольных Казаков“ в г. Лионе состоявшегося в день 8 ноября 1931 года:

Председатель Союза — С. С. Настояшев. Товарищи презед. — Ф. Гавриленко и В. Абрамов. Секретарь — Мельников. Казначей — П. Сотников. Предс. Рев. Ком. — И. А. Кувиков.

Представители журнала „Вольное Казачество“ — А. Ленивов и Т. Хоруженко.

По предложению А. К. Ленивова был произведен денежный сбор в пользу известного вольноказачьего писателя А. Пивня (М. Забигайло), проживающего в Югославии и тяжело больного. Сбор дал свыше 130 франков, каковые деньги и пересланы по назначению.

По окончании общего собрания состоялся доклад есаула Кувикова (донец) на тему „Уроки прошлого“, прошедший с большим успехом.

Предложение С. С. Настояшева о необходимости издания в г. Лионе вольноказачьего печатного органа на французском языке (для пропаганды вольноказачьей идеи среди иностранцев) было принято вольными казаками с пожеланием скорейшего выпуска в свет нового самостоятельного казачьего журнала, каковое обстоятельство можно полагать и осуществится в самом недалеком будущем, ибо в настоящее время у „Союза вольных казаков в Лионе“ имеется не мало друзей среди представителей французского общества. В добрый час!..

(Соб. кор.).

Правда о Новом Саду.

В газете „Русский Голос“ от 25 октября с. г. за № 29 помещена статья под заглавием „Казачий праздник“, в которой описывается празднование Войскового праздника Общеказачьей станицы в гор. Новом Саду и между прочим говорится: „За отъездом ген.-м. Павличенка из Н. Сада казачья жизнь совершенно замерла и только с приездом в Н. Сад есаула Протопопова, благодаря его личной энергии, казачество оживилось и им организована Общеказачья станица, которая ныне высоко подняла казачье знамя.“

В этих крикливых фразах мало правды. Есаул Протопопов (донец) появился в Н. Саду несколько месяцев тому назад и, не входя в состав Кубанской станицы имени Кошевого Атамана Захария Чепиги, начал предлагать вольным казакам этой станицы переименовать ее в Общеказачью с тем условием, чтобы он был по меньшей мере помощником станичного атамана.

Названная станица носит это имя с 1924 г. и имеет в составе 95 проц. кубанцев, почему желания ес. Протопопова не могли быть увенчаны успехом. Видя свое бессилие и не желая быть рядовым членом станицы, ес. Протопопов решил создать для себя новую станицу.

При этом для ясности должен сказать, что ес. Протопопов, как принявший подданство королевства Югославии, служит в железнодорожном ведомстве районным надсмотрщиком путей и в его районе еще с 1925 г. работает несколько казаков, состоящих и ныне в строевых частях Кубанской каз. дивизии, которые и послужили ядром при организации новой станицы.

Прежде чем приступить к организации станицы, ес. Протопопов для того, чтобы казаки были сговорчивы, постарался показать всевозможными путями, что он над ними весильный. Казаки, видя на его стороне силу и не желая лишиться куска хлеба, принуждены были подчиниться во всем ес. Протопопову и в октябре с. г. была утверждена Кубанским Войсковым Атаманом Новосадская Общеказачья станица. Конечно, атаманом этой станицы стал ес. Протопопов.

Далее хочу сказать, как ес. Протопопов со своей станицей праздновал Войсковой праздник.

После молебна был дан банкет в помещении офицерского собрания Русского Обще-Войскового Союза, на который были приглашены почетные гости как представители местных военных и гражданских властей, так и русской колонии, которые остались очень довольны приемом. Но у самих казаков остался плохой осадок от празднования Войскового праздника, т. к. банкет был устроен ес. Протопоповым в офицерском собрании Р.О.В.С. и ес. Протопопову было поставлено в условие, что казаки, допущенные в собрание (куда вообще вход запрещен нижним чином), будут „вести себя прилично“.

Есаул Протопопов, „взял на себя ответственность за поведение казаков“, сделал так, что все время в течение четырех часов казаки развлекали гостей своими песнями и танцами, как говорится на сухую...

Чем ес. Протопопов оживил казачество в Н. Саду и в чем выразилась его энергия, нам, казакам, живущим также в Н. Саду, неизвестно, если не считать великой заслугой то, что он сумел выжать из тощих карманов казаков, при их очень бедственном положении ввиду общей безработицы, почти по 50 динар на устройство банкета в день Войскового праздника, на котором они, как хозяева, заплатив по счетам за несъеденный обед, были размещены за отдельным столом.

Кубанские казаки, живущие в Н. Саду, в массе своей давно высоко подняли казачье Знамя, держали и впредь будут держать его на той же высоте без всяких услуг и поддержек со стороны господ, подобных ес. Протопопову.

Кубанский казак.

Новый Сад.

Об одной украинской корреспонденции.

Интересная корреспонденция помещена в украинском журнале „Тризуб“.

Там достаточно подробно описано посещение казаков и украинцев представителями кирилловского толка ген. Апухтиным и уральским казаком Плотниковым, которые заехали со специальной миссией привести непослушные элементы к присяге в городе Смедерено.

После ярких речей этих агитаторов, среди казаков был оживленный обмен мнений и на собрании в глаза приехавшим было сообщено, что „у нас есть Атаман Науменко и других вождей пока нам не надо“.

Сладкая речь господина Плотникова, уральского казака, у которого, по мнению многих, должны были глаза полопаться от сраму за занимаемое им место в

этой „махинации“, произвела самое отталкивающее впечатление.

Казалось, что устами казака хотели поймать великого сазана — организации казаков и украинцев.

— Братья казаки... Я сам, братцы, уральский казак... Ну и дальше в том же духе.

Опершись на Науменко, как на стену, казаки проводили этих агитаторов вполне равнодушно, ничем не отозвавшись на их призыв и мало веря в то, что государя все державы нелегально признают и могут дать большие деньги.

Только что их миновала сия чаша, как в Смедереве пожаловал сам Кубанский В. Атаман. И что же он сказал? — тост о России, когорой надо послужить не щадя живота... И т. д. и т. д.

После всего, за чашей вина полилась казачья песня, а с ней пахнуло и волей и свободой казачьей и с болью напирали певшие на слова — літ вже в двісті... или: під московським караулом у тюрмі...

Сидели представители казачества, попивали вино, слушали старые казачьи песни, приятно улыбаясь. Понять ли им всю боль и жалобу казачьей песни, тоску за волей Казачьей, жажду к своей свободной жизни... Нет, они видимо мечтали о другом, а казак, который так недавно именем своего Атамана защищался от приехавших закабалить его русских партийцев с болью наверно почувствовал, что не на кого ему опереться в своем казачьем горюшке, не у кого ему искать защиты, а не только Земли Казачьей, которые уже отданы на поток и разграбление, но и его самого, его душу замуруют, закрутят, да и швырнут собакам под хвост.

Пора, пора нам жить своим умом... Пора нам искать своих людей, на которых мы можем положиться, которым мы можем вручить свою судьбу, и которые нас позовут на создание своей страны, своей казачьей жизни, которые нас позовут на жертву, заставят потребовать свои права на самостоятельную свободную жизнь, помогут подняться нам из той грязи и рабства, в которое мы сейчас ввергнуты.

Спасибо украинскому журналу за информацию о нашей жизни, она нам первый раз сказала, что наши Атаманы топчут светлые знамена казачьей государственности в прах, что нам нечего от них ждать и что ни при каких обстоятельствах нам нельзя на них опереться.

Переходя же к посещению г. уральского казака, скажем ему:

Нас, казаков-государственников, своей кровью и жертвами навсегда увековечивших самостоятельность Казачьих Земель (идею), создавших и свои гимны, и свои флаги, и свои законы, вашими речами не удивившись, слышали мы и получше, и грамоты читывали,

а от обещаний до сих пор трещит в ушах. Обещали нам и белые, и красные, и черные, и малиновые, и всякие иные, а только, все испытав на своей шкуре, мы говорим: уберайтесь-ка вы все к чорту, никого нам из вас не надо.

Наш девиз — Казачья Воля,
Казакія — наша цель.

(Соб. кор.)

Фактические поправки.

На наивные выходки г. Шарапова, на его игру в „атамана“ я до сего времени не обращал внимания. Ведь бывают взрослые „дети“, неспособные понять коичность своих выходок. Таким взрослым „дитем“ является и г. Шарапов, „атаман“ „общекалмыцкой станицы в Париже“, а потому я думал: чем бы дитя не тешилось — лишь бы не плакало!

Вот уже более года я живу вместе с ним, знаю его страстное желание играть роль „большого человека“, его беззастенчивую спекуляцию именем фактически несуществующей „станицы“. Все это меня только забавляло, а потому я молчал. Но вот он перешел границы приличия и я хочу указать ему на это и сделать некоторые фактические поправки.

В последнем номере (10—11) журнала „Р. К.“ „атаман“ Шарапов, неспособный связно произнести три слова не только по русски, но и по калмыцки, человек элементарно безграмотный, неспособный написать и десяти слов без девяти ошибок, каким-то „чудом“ написал „статью“, в которой он, ничтоже сумняшеся, представляет себя человеком масштаба „общероссийских организаций, несмотря на усиленную агитацию самостоятников“... (какая логика!).

Ложность этого его утверждения, что самостоятники вели „усиленную агитацию“ против „станицы“ подтвердят все парижские калмыки. Мало того: в том „деле“, чем он теперь похваляется, как большим своим достижением — на казачьем балу, в единственном калмыцком „номере“ (танцы) танцевала жена самостоятника и всю подготовительную к балу работу (шитье дамских костюмов) безвозмездно проделала та же жена самостоятника. Если теперь Шарапов, с помощью чужого пера, пишет, что самостоятники агитировали (при том „усиленно“) против „станицы“, то объясняется это элементарной бесчесностью.

Как высшее „достижение“ „станицы“, Шарапов представляет участие „станицы“ в Донском балу, давшем „6000 фр. в пользу больным и нуждающимся казакам и казачкам“. Правда заключается в следующем: не „станица“ пуинимала участие, а сам Шарапов с 2—3 своими личными приятелями. А когда „Бальный Коми-

Кубанская труппа джигитов Андрея

П. Крикливого и Дмитрия А. Крив-

чука, совершающая кругосветное тур-

не, шлет братский привет всем ка-

закам.



тет" от выреченного дохода выдал долю "калмыцкой станции", то "атаман" с двумя своими приятелями эту "станционную" долю поделили между собой, как люди, вносящие на предварительные расходы по устройству бала деньги и "рисковавшие" ими. Поделили не просто, а на "законном основании", ибо, как говорили, "всякий затраченный капитал должен приносить свои проценты"! Этим позорным с общественной точки зрения поступком не только похвалиться, но стыдиться надо! Тут совсем непричем "нуждающиеся казаки и казаки"!

"Станица теперь имеет свою икону" — пишет Шараров. Неправда! Ибо академик Рерих икону прислал не "станцию", о существовании которой он и понятия не имеет, а прислал он ее по личному знакомству бакше Нимбушову, по частной и личной просьбе последнего, для всех калмыков в эмиграции.

"В тот же день там же собравшиеся подписали благодарственное постановление Н. К. Рериху" — пишет Шараров. Благодарность выразить Рериху за его ценный для религиозных калмыков дар — обязанность каждого калмыка и они искренно благодарят. Но совершенная неправда, что "собравшиеся там же подписали благодарственное постановление". Дело было так: выразить свою благодарность в письменной форме было необходимо, а "атаман" неспособен был изобразить на бумаге хоть какую нибудь удобоваримую мысль. Но "ловкий" Шараров нашел выход из положения и упрямил присутствовавших подписаться на белом листе бумаги, а он потом кого нибудь упрямил написать текст. А по части упрямиваний "подписей" у неграмотных доверчивых старых калмыков Шараров "набил" себе руки. Так он поступил и тогда, когда совершал свой глупейший поступок — "протест" против книги д-ра Хара-Давана, уговорив абсолютно неграмотных стариков "подписаться" под "протестом". Так, по "гениальнейшей" мысли "общероссийского масштаба" Шарарова неграмотные старики "протестовали" против научной книги.

"Атаман" Шараров в конце своей статьи приводит "копию постановления". Совершенная ложь! Ибо такого постановления "станции" и в природе не существует по той простой причине, что не было ни одного собрания "станции" "под почетным председательством бакши Нимбушова", — как пишет он. Мало того: ни на одном собрании "станции" бакша не присутствовал!

Шараров похваляется 3150 франками, собранными, якобы, "станцией" на разные благотворительные цели, но правда заключается в том, что к этим сборам "станция" очень мало отношений имеет, ибо львиная доля этой суммы собрана по инициативе отдельных лиц, в том числе и самостийников, а "энергичный" Шараров потом прибежал и ставил печать "станции" на подписанных листах, как он ее ставил и на всех экземплярах журнала "В. К.", аккуратно обходя квартиры калмыков. На всех экземплярах журнала "В. К.", имеющих на руках у калмыков в Париже, имеется злополучная печать этой пресловутой "калмыцкой станции".

Я выше сказал, что "атаман" спекулирует именем фактически не существующей станции. Доказательства. В последнее время Шараров подряд назначал два собрания "станции", с громким извещением в русских газетах. Ни на одном собрании никого не было. Но "атамана" это обстоятельство ничуть не смущает, ибо он свое "дело" сделал: объявил в газетах, что на сборе будет доклад (?) об организации дешевой столовой для безработных членов "станции" и об освящении иконы "станции".

Ибо он знает, что "дешевая столовая" (домашние обеды) уже открыта частным лицом, к "станции" никакого отношения не имеющим, нашедшим возле фабрики удобное дешевое помещение, и что освящение иконы бакша устроит сам совершенно независимо от "станции".

Именно потому для Шарарова неважно — состоится или не состоится собрание, а важно именем "станции", с помощью своего "хозяина" из вилы Шавело, сделать в газетах широковещательное объявление, присвоить чужую инициативу и, как моська, бегущая под повозкой, воображает, что и она тянет, говорить потом: смотрите, какой я атаман!

Этих "фактических поправок", думаю, будет вполне достаточно для уразумения того, что из себя представляет "атаман" Шараров. Это же обстоятельство дает ключ к пониманию того — как "делает" историю "Р. К." и его редактор, помогающий своим "сотрудникам" писать подобную чепуху, нагромождая одну ложь на другую!

Это и естественно, ибо к неправде, которой служит редактор "Р. К.", путями праведными не приблизишься.

Шамба Балинов.

В Южине.

В Южине образовалась вольноказачья станица Имени Пугачева. Атаманом станицы избран полк. В. Балабин (член Д. В. Круга), помощником атамана каз. Аршинов, казначеем хор. Болдырев и писарем Михайлинов.

В поисках земли.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

Имея большое количество писем из Европы, — запросы о возможности поселения на землю в Парагвае (на мое письмо, помещенное в журнале "В. К." за № 81) я не имею возможности всем ответить, а поспеваю просить Вас, г. Редактор, не отказать поместить в Вашем уваж. журнале нижеследующее дополнение на запросы Скопленского станичного атамана Я. Ковгана (Сербия); атамана станицы в Лионе Хоруженко (Франция); кубанца Звягина от группы 10 казаков (из Константинополя), кубанца Подрезова (из Бельгии); донца Петра Дубовика (из Польши); донца Пятибрата (из Польши от 70 казаков); Николы Мишина (из Польши от группы и многих других. (Многие из них не интересуются даже об условиях поселения и климате, а просто пишут: каким путем можно проехать в Парагвай, ибо жизнь, особенно в Польше, не под силу казаку).

1. Почему эта земля удержалась как плодородная и не роздана желающим, а к тому же не подалеку от города и большой рыбной реки Парана (судоходной)? — Земля эта была помещичья (40.000 гект.), он умер, а сыновья остались и не утвердились в правах, задолжали правительству за налоги, а теперь правительство через делегата поручило нам селить людей, а когда будет не меньше 100 семейств, то правительство декретом отчуждает за каждым поселенцем в полную собственность (а пока здесь Украинцы — 40 семейств — живут 6 лет, ни копейки никому не платили). Сейчас прибыло за 3 месяца 15 семейств и еще ожидается в этом месяце 18 семейств).

2. Гектар земли очистить от леса, срубить, спалить стоит 60-70 арг. пезо.

3. Прожить в месяц надо на одного 5-7 арг. пезо.

4. 3 арг. пезо — стоят 1 доллар. 18½ парагв. пезо стоят 1 аргент. пезо.

5. Язык испанский. 6. Каждому поселенцу трудно до 1-го урожая. 7. Подданство не обязательно. 8. Повинностей никаких. 9. Парагвай мало населенный. 10. Сбыт продуктов в г. Екарнасон 18 кил. и Пасадос через реку в Аргентину. 11. Хорошая местность для пчеловодства, много по лесу диких пчел и есть настоящие в дуплах. У каждого почти поселенца есть пчелы. 12. Климат хорош, ночи холодные нужно теплое одеяние. Говорят декабрь, январь и февраль — жаркие, но ночи свежие. Надо брать теплое белье. 13. Много диких кабанов, коз, индюков. Надо запастись оружием. 14. Поливка и орошение здесь не нужны, ибо идут дожди, да еще есть много ручьев с хорошей питьевой водой. 15. Дома строятся из леса, кроются гонтой, стенки из досок. 16. По лесу имеются в диком виде тысячи деревьев апельсин. 17. Время посевов: в мае сеются: лук, чеснок, капуста, табак, салат. В августе посадка деревьев: апельсины, лимоны, яблоки, бананы, кофе, какао, персики, виноград. В сентябре 1-я посадка манса, риса, маниоки, фасоль, арбузы, дыни, тыквы, мочалки (мыть тело, посуду), огурцы, перец, помидоры, фисташки, клубника, яблоны. 2-я посадка — октябрь и 3-я — декабрь и январь. Кукуруза и

маис 1-й посадки поспевают в декабре, также и овощи. Между кукурузой садыг тыквы и особый род маленькой фасоли. После сбора 1-й посадки сажают вновь на этой земле — в год 2 сбора (урожая).

18. Что надо желающим переехать в колонию: Никаких ходатайств возбуждать ни у кого не надо, взять Парагвайскую визу у консула и у Уругвайского транзитную и все. Купить билет на любой пароход, идущий до гор. Монтевидео (столица Уругвая), там пересесть на 2-й пароход идущий уже по р. Парана и р. Парагвай до гор. Асунсиона (столица Парагвая), В Асунсионе обратиться к русскому генералу Н. Ф. Эрн (он нашей станицы представитель); он даст бесплатный билет до г. Енкарнасиона по ж. д., а с Енкарнасиона на подводе до нашей колонии Uru-Sarucay 18 кил.

Можно изменить маршрут и от Монтевидео сесть на пароход, который повезет в гор. Пасадос (Арг.). В Пасадосе пересесть на лодку там же на пристани, которая через каждые 1/2 часа перевозит в Енкарнасион, а там, как я писал, подводой. Это короче. Это для тех, у кого есть деньги на переезд, а у кого нет, то необходимо от имени группы обращаться в Лигу Наций, если не за 1/2, цены, то с рассрочкой выплаты. Списки желающих ехать пересылать по адресу: Senor A. Lissenko, Uru-Sarucay. Dep. Encarnacion. Rep. del Paraguay. 19. Из украинцев, кои живуг уже свыше 6 лет, здесь имеют дома, где на 1-ое время приезжие могут помещаться пока себе построят уют и дешево кормиться, можно найти и работу. Особенно гостеприимны здесь колонисты Виктор Жук и Федор Рехлюк, уже не один казак нашел у них уют и сказал квачье им спасибо. 20. Жители парагвайцы мирные и к нам относятся хорошо. 21. Желательно везти новые семена из Европы: огородные, трав, пшеницы, гречихи, овса, венников, конопля и пр.

А. Лысенко.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Покорнейше прошу Вас не откажите поместить в следующем номере журнала „В. К.“ следующее мое обращение:

Прошу отозваться казака, живущего в Праге или ее окрестностях, желающего принять на себя труд по организации исходатайствования нужных документов и отправки казаков, желающих осесть на землю в республике Парагвае.

Уважающий Вас,
Ваш Е. Тишин.

† А. Д. Кокунько.

Еще один.

20 сего ноября погребен (сожжен в Ольшанском крематории) молодой кубанец Александр Данилович Кокунько (всего 32 лет), сын известного на Кубани общественного деятеля Д. К. Кокунька.

Александр Кокунько учился в Украинской Академии в Подебрадах на лесном отделении. Это был один из самых серьезных студентов среди кубанцев в Академии. Как человек — честный, милый, на диво — деликатный. К сожалению туберкулез понемногу подтачивал его здоровье, перейдя в последние два-три года в тяжелую форму. И все же А. К. не бросал учиться. Накануне окончания школы (оставался дипломный экзамен) неумолимая болезнь уложила его надолго в санаторий...

А теперь его не стало. Жаль...

Мир праху твоему!

Поправка.

В прошлом номере „В. К.“ в обращении станичника Хоруженко (стр. 28), благодаря недосмотру, искажен смысл последней фразы. Понимать ее следует в том смысле, что будет возбуждено ходатайство о перевозке до места поселения за счет Лиги Наций (взаимообразно).

В Казаки.

По советским газетам.

В сов. газетах за октябрь и ноябрь — „ликование“ по случаю четырнадцатого октября и... тревога на разных „фронтах“ по случаю „прорывов“.

„Красная степь“ (с. Питерки Н. В. края) 27 октября констатирует, что „темпы зяблевой вспашки продолжают оставаться совершенно неудовлетворительными“...

2 ноября та же газета признается, что „наш район находится в полосе прорывов“... и зовет „массовым штурмом ликвидировать прорывы“...

Асграханский „Коммунист“ 3 ноября „рассуждает“ на „путинном фронте“: „Наш план реален, он выполним... И все же в плане путины мы имеем громадный прорыв“...

Там же, 5 ноября, читаем: „Совершенно неудовлетворительное выполнение плана третьей декады октября, в результате отсутствия большевических темпов и наличия демобилизационных настроений в ряде организаций, фактически привело к срыву программы ударного месяца“...

Краснодарское „К. З.“ 5 ноября свидетельствует о состоянии транспорта: „Краснодарский узел... показывает чрезвычайно серьезные недочеты в своей работе“...

Плохо на „хлопковом фронте“. 5 ноября в Ростовском „М.“ читаем: „Борьба за хлопок вступила в самый ответственный и решающий период... Край стоит перед непосредственной угрозой срыва сроков, установленных для сдачи хлопкового урожая“...

В том же „М.“ 7 ноября видим: „Темпы сева требуют крутого перелома“...

А 12 ноября „М.“ приказывает: „Каждые сутки

повышать темпы озимого сева“. „Сроки сева озимых исчисляются буквально днями. В эти дни нужно во что бы то ни стало добиться решающей победы на посевном фронте“...

На другой день „М.“ пишет: „Ряд районов края значительно отстал по севу и уборке пропашных культур“...

„С севом тревожно“, читаем там же.

„К. З.“ 13 ноября посылает „тревогу в каждый колхоз, на каждый завод“, ибо „план сева под ударом, на фронте сева — тревога!“

15 ноября то же „К. З.“ командует: „План хлебозаготовок должен быть выполнен! — „действительно состояние хлебных перевозок... вызывает определенную тревогу“...

„К. З.“ 16 ноября в который уже раз повторяет: „Наступили решающие дни“ на „финансовом фронте“. Там же узнаем, что на „посевном фронте“ „Край отстает“!

В том же „К. З.“ от 18 ноября читаем и такие знаменательные строки: „Оставание научной мысли от темпов социалистического строительства должно быть решительно преодолено“...

В „М.“ от 17 ноября читаем: „Вместо нарастания — снижение темпов“ (на „кукурузном фронте“). „Ни один сельсовет не выполнил плана“ (на „хлебозаготовительном фронте“ в Невиномысском районе).

На другой день, 18 ноября, в том же „М.“ признаются: „... при несомненном успехе зяблевой кампания два важнейших района Союза — Сев. Кавказ и Украина — ведут вспашку зябли чрезвычайно неудовлетворительно“...

— Словом, в советском государстве явно неблагополучно.

Обращаем внимание читателей на новые условия подписки на журнал „В. К.“ на 1932 год, напечатанные на последней странице обложки.



Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	150 лева	250 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В Греции	100 др.	150 др.	10 др.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.